

экстраординарного профессора Академіи священнику *И. А. Флоренскому* и доцента Академіи *В. П. Виноградова*,—въ виду того, что послѣднія, при сходяствѣ въ заглавіяхъ, представляютъ собою существенно новыя труды по содержанию въ сравненіи съ кандидатскими сочиненіями священника Флоренскаго и г. Виноградова,—допустить къ соисканію преміи *Митрополита Московскаго Макарія* за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи.—б) По § 109, лит. б. п. 9, устава духовныхъ академій „присужденіе въ подлежащихъ случаяхъ преміи за ученые труды“ значится въ числѣ дѣла Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Премію *Митрополита Московскаго Макарія* въ 482 рубля—позначить ординарному профессору Академіи *Г. И. Введенскому* за его печатный трудъ подъ заглавіемъ: „Патріархъ Іосифъ и Египеть. Опытъ соглашенія данныхъ Библии и Египтологіи“. Сергіевъ Посадъ, 1914 г. (постановленіе *единогласное*). — 2) Премію *Митрополита Московскаго Макарія* въ 289 рублей—экстраординарному профессору Академіи священнику *И. А. Флоренскому* за его магистерскую диссертацию подъ заглавіемъ: „О духовной истинѣ. Опытъ православной Θεодицеи („Століпъ и Утвержденіе Истины“)“. Москва, 1912 г. (постановлено большинствомъ *двѣнадцати* голосовъ противъ *трехъ*, поданныхъ за магистерскую диссертацию доцента Академіи *В. П. Виноградова*). — 3) Премію *Епископа Курскаго Михаила* въ 201 р. — законоучителю Московскаго Александровскаго Института священнику *И. П. Виноградову* за его печатный трудъ подъ заглавіемъ: „Книга пророка Аггея. Педагогико-экзегетическое изслѣдованіе“. Сергіевъ Посадъ, 1914 г. (постановлено большинствомъ *четырнадцати* голосовъ противъ *двухъ*). — 4) Постановленія сіи представить предварительно на Архинеастирское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XXVI.—О производствѣ въ текущемъ году переводныхъ и выпускныхъ испытаній студентовъ Академіи.

Справка: По § 109, лит. б. п. 7, устава духовныхъ академій „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Принимая во вниманіе опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 7—8 марта 1915 года за № 1885 о досрочномъ, въ виду переживаемыхъ событій, окончаніи текущаго 1914—1915 учебнаго года и отмѣнѣ переводныхъ испытаній въ среднихъ и низшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а также оглашенные въ повременной печати указы Святѣйшаго Синода о досрочномъ производствѣ устныхъ испытаній въ Императорскихъ Петроградской и Кіевской Духовныхъ Академіяхъ, — ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи начать въ текущемъ году производство устныхъ переводныхъ испытаній студентовъ Академіи 10-го апрѣля и закончить производство выпускныхъ испытаній 1-го іюня 1915 года.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „29 марта 1915. Исполнить. Къ ст. XXVI — Согласенъ“.

24 апрѣля 1915 года.

№ 4.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. И. Алмазовъ, С. С. Глаголевъ и Д. И. Введенскій; экстраординарные профессора — священникъ Е. А. Воронцовъ, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій, священникъ И. В. Гумилевскій и священникъ П. А. Флоренскій.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостыпинъ; ординарные профессора—С. И. Соболевскій, А. А. Спасскій, М. М. Таръевъ, С. И. Смирновъ и М. М. Богословскій; заслуженный экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ; экстраординарные профессора — И. В. Поповъ, Н. Л. Туницкій и священникъ В. П. Страховъ.

Слушали: а) Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи: „Долгъ имѣю предложить вниманію Совѣта Академіи представленіе профессоровъ Академіи: М. Муретова, А. Алмазова, С. Соболевскаго, С. Глаголева, А. Шостыина, Д. Введенскаго, свящ. Д. Рождественскаго, свящ. В. Страхова, свящ. И.

Гумплевскаго и свящ. П. Флоренскаго о присужденіи Митрополиту Петроградскому *Владимиру* степени доктора богословія во вниманіе къ его научнымъ трудамъ (§ 175 Акад. Уст.), опѣнка коихъ сдѣлана въ означенномъ представленіи. Съ своей стороны считаю долгомъ заявить, что на основаніи знакомства съ высказанными здѣсь въ представленіи сужденіями о цѣнности научныхъ трудовъ Владыки Митрополита и на основаніи личнаго знакомства съ самыми трудами я съ своей стороны не нахожу никакихъ препятствій по смыслу § 175 Акад. Уст. къ присужденію означенной степени лицу, стоящему не на академической службѣ, какимъ въ данномъ случаѣ и яв. ся Высокопреосвященный Митрополитъ Владиміръ“.

б) Представленіе за подписями: сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора и члена Совѣта Академіи Митрофана *Муретова*, и. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора Александра *Шостына*, ординарныхъ профессоровъ — Александра *Алмазова*, Сергѣя *Соболевскаго*, Сергѣя *Глаголева* и Дмитрія *Введенскаго*; экстраординарныхъ профессоровъ — свящ. Дмитрія *Рождественскаго*, свящ. Владимира *Страхова*, свящ. Пліи *Гумилевскаго* и свящ. Павла *Флоренскаго*:

„Въ теченіе четырнадцати лѣтъ Московская Духовная Академія находилась подъ управленіемъ Высокопреосвященнаго Митрополита Владимира. Академія всегда встрѣчала просвѣщенное сочувствіе со стороны Владыки ко всѣмъ своимъ благимъ начинаніямъ. Онъ шелъ всегда навстрѣчу научнымъ нуждамъ Академіи. Чуткій и глубоко отзывчивый къ явленіямъ времени, онъ хотѣлъ видѣть въ Академіи могучую силу для борьбы съ темными сторонами дѣйствительности — паденіемъ интереса къ богословскому знанію, пониженіемъ вѣры, ослабленіемъ просвѣщенной любви къ роднѣ. И всякое дѣйствіе Академіи на защиту и подъемъ христіанскаго просвѣщенія онъ горячо привѣтствовалъ. Все доброе Академіи паходило въ немъ самоотверженную поддержку. Академія, — особенно въ виду своего вѣкового юбилея, — и можетъ засвидѣтельствовать Высокопреосвященному Владыкѣ, что она понимала и цѣнила его неизмѣнное содѣйствіе ея прямымъ задачамъ. Единственный способъ, которымъ, — по мнѣ-

нію подписавшихся подъ настоящимъ докладомъ,— Академія могла бы выразить, въ соотвѣтствіи съ ея правомъ и достоинствомъ, свою признательность Высокопреосвященному Владыкѣ, состоитъ въ должной оцѣнкѣ его богословско-ученыхъ трудовъ.

Среди многосложныхъ обязанностей и дѣлъ московскаго первосвященника Митрополитъ Владиміръ находилъ время и возможность заниматься богословскими вопросами и именно тѣми, которые, будучи по существу вѣчными, особенно настойчиво требовали своего обсужденія въ данный моментъ и для обсужденія которыхъ Владыка находилъ наиболее подходящую и нужную форму.

Владыка не искалъ наградъ и лавръ за свои работы. Веченіе болѣе сорока лѣтъ онъ писалъ и печаталъ трактаты по вопросамъ богословскаго знанія, православной вѣры и христіанской жизни и училъ живымъ словомъ. И это онъ дѣлалъ для другихъ, а не для себя. Но тѣ, которымъ дороги интересы вѣры и церкви, не могутъ не оцѣнить высококаго значенія этой дѣятельности и, разъ они располагаютъ возможностью выразить чѣмъ либо свое пониманіе цѣнности трудовъ Владыки, должны это сдѣлать. Академія располагаетъ такою возможностью. Она можетъ, согласно смыслу § 175 Академическаго Устава, присудить Митрополиту Владиміру степень доктора богословія и мы предлагаемъ Совѣту Императорской Московской Духовной Академіи войти въ обсужденіе настоящаго предложенія.

Митрополитъ Владиміръ, какъ писатель-богословъ, прежде всего—апологетъ. Съ высоты своего святительскаго поста онъ болѣе яено, чѣмъ мы, могъ наблюдать движеніе отъ религіозной вѣры въ сторону религіознаго отрицанія. Это движеніе отъ жизни къ смерти побудило его дать рядъ трактатовъ и разсужденій о спасительномъ значеніи вѣры и книгъ—Библии. Онъ написалъ въ защиту Библии трактатъ: „Соглашеніе нѣкоторыхъ, повидимому, противорѣчащихъ другъ другу, мѣстъ Священнаго Писанія“, 1900 г. Далѣе онъ написалъ: „Гдѣ истинное счастье: въ вѣрѣ или невѣрїи? 1905 г.“ Въ этой книгѣ онъ обсуждаетъ вопросы о человѣческомъ достоинствѣ, о трудѣ и собственности, о семьѣ, объ отношеніи къ ближнимъ, о страданіяхъ человѣка, о загробной жизни.

Вездѣ, оказывается, вѣра объясняетъ дѣйствительность и ободряетъ чловѣка, а невѣріе несетъ отчаяніе и гибель. Эта книга дополняется трактатами: „Доказательство бытія Божія“, 1912. „Наука и религія“, 1912. „Работа въ свѣтѣ матеріализма и христіанства“, 1906. Митрополитъ Владиміръ находилъ время и для переводовъ и для переработки иностранныхъ сочиненій. Таковою является его книга—„Вечернія собесѣдованія между крестьяниномъ, фабричнымъ, рабочимъ и священникомъ. Современные религіозные вопросы“, 1908. И еще до принятія иночества олъ перевелъ въ 1874 г. логику Г. Гагемана.

Къ апологетическимъ трудамъ Митрополита Владиміра близко примыкаютъ его полемическія работы, направлешія противъ социаль-демократіи. Это социальное движеніе по своему существу направлено гораздо болѣе противъ религіи, чѣмъ противъ государства. По отношенію къ государству социализмъ проектируетъ только измѣненіе его формы, по отношенію къ религіи *prim desiderium* социализма заключается въ томъ, чтобы она была уничтожена. Бебели, Энгельсы, Жоресы и не скрывали этого. Между тѣмъ социаль-демократическое движеніе широко и сильно. Владыка Митрополитъ глубоко понялъ его антирелигіозный смыслъ и его крупную силу. Владыка перевелъ книгу Флейшмана—„Противъ социаль-демократіи“. 1907. Онъ далъ рядъ рѣчей и самостоятельныхъ статей по вопросамъ социализма: „Рѣчь предъ началомъ чтенія для рабочихъ“, 1905, „Монархія или республика“, 1906. „Социальная задача семьи“, 1906, „Богатымъ и бѣднымъ“, 1906, „Наша пастырская задача въ борьбѣ съ социаль-демократическою пропагандою“, 1907, „О рабочемъ вопросѣ“, 1907, „О трудѣ и собственности“, 1909.

Социализмъ возникъ во имя заботы о благополучіи рабочаго класса. Нѣсколько своеобразно одну изъ причинъ неблагополучнаго состоянія этого класса социализмъ увидаль въ вѣрѣ въ Бога и въ загробное мздовоздаяніе. Владыка Митрополитъ, бесспорно проникнутый гораздо болѣшимъ благожеланіемъ по отношенію къ народу, чѣмъ всѣ вожди социализма, тоже озабоченъ улучшеніемъ положенія народа. Одною изъ главныхъ причинъ, почему это положеніе оказывается незавиднымъ, является пьянство. Владыка призываетъ къ энергичной борьбѣ и самъ энергично борется съ

этимъ историческимъ порокомъ. Онъ открываетъ общество борьбы съ пьянствомъ (слов. 1910), печатаеть „Архиастырскій призывъ къ борьбѣ съ пьянствомъ“, 1911. Въ оригинальной статьѣ „Величайшій обманщикъ міра“, 1911, Владыка представляетъ, какъ алкоголь обѣщаетъ рабочимъ крѣпость, силы и помощь и потомъ губить ихъ. Въ статьѣ „Противъ ли пась (абстинентовъ) Библия“? 1912, онъ разъясняетъ отношеніе Библии къ употребленію вина.

Нѣкоторыя событія начала двадцатаго столѣтія придали жизненный и практический характеръ вопросу объ анаѳематствованіи. И Владыка напечаталъ „О правѣ церковнаго отлученія или анаѳематствованія, 1912“. Онъ составилъ и продолженіе этой статьи—„Кому принадлежитъ право налагать отлученіе“.

Другой вопросъ изъ области экономическаго права также занялъ вниманіе Владыки и также потому, что онъ былъ связанъ на очередь жизнью. Это вопросъ о діакониссахъ.

Судьба Церкви въ будущемъ стоитъ въ зависимости отъ воспитанія дѣтей въ настоящемъ. Дѣти, достигнувъ зрѣлаго возраста, станутъ дѣятельными членами Церкви и ихъ образомъ дѣйствія опредѣлится состояніе Церкви. Для Митрополита Владиміра въ Церкви—все, въ Ней—его жизнь и любовь. Но въ самой Церкви его надежды и его преимущественная любовь обращены къ слабѣйшимъ и безпомощнѣйшимъ ея членамъ—къ дѣтямъ. Мысль о дѣтяхъ не оставляетъ Владыку, служебная дѣятельность котораго связана не только не съ дѣтьми и не съ юношами, но даже не съ людьми среднихъ лѣтъ, а главнымъ образомъ съ умудренными жизнью старцами. Но дерево вырастаетъ изъ сѣмени, и старецъ выходитъ изъ ребенка. Благословенная старость есть послѣдній этапъ пути, начинающагося благословеннымъ дѣтствомъ. Владыка далъ рядъ трудовъ, посвященныхъ дѣтямъ и дѣтству: „Архиастырское поученіе дѣтямъ о святой Библии, 1902“, книга—„Бесѣды о воспитаніи дѣтей, 1905“. „Астырскія бесѣды съ дѣтьми, 1912“, „Евангеліе дѣтства, 1912“, „Юношамъ, 1912“.

Кромѣ статей и книгъ по вопросамъ апологетическимъ, социальнымъ, каноническимъ и педагогическимъ, мы находимъ у Митрополита Владиміра множество рѣчей, статей, представляющихъ собою православный откликъ на злобо-

дневные, многообразные вопросы. На все онъ отзывается своимъ сердцемъ и умомъ и замѣчательно, что во всякій вопросъ, во всякую историческую справку или экскурсію онъ влагааетъ духъ жизни и изъ обсужденія вопроса извлекаетъ практическое примѣненіе. Такіе трактаты, какъ „Римскій амфитеатръ—мѣста увеселенія язычниковъ и страданія христіанъ, 1900“, „Страданія Христа и страданія Церкви“, имѣя предметомъ давно прошедшее, говорятъ о скорбяхъ настоящаго.

Рядъ напечатанныхъ проповѣдей и рѣчей начинается у Владыки „Словомъ на новый годъ“ священника Василия Богоявленскаго — нынѣ первоприсутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ Митрополита. Мы имѣемъ, далѣе, его слова на праздники въ бытность его экзархомъ Грузіи (три слова). Наибольшая часть напечатаннаго падаетъ на время пребыванія Владыки Московскимъ Митрополитомъ. Много рѣчей на праздники, при посвященіи во священники, при открытіи религіозно-нравственныхъ чтеній, вообще при религіозно-нравственныхъ начинаніяхъ, а потомъ идутъ рѣчи на темы одновременно и о давно минувшемъ и о настоящемъ.—„Невѣріе книжниковъ и фарисеевъ древняго и новаго времени, 1901“, „Противъ отрицающихъ почитаніе святыхъ, 1902“. Русско-японскою войною вызваны рѣчи: „Молитва христіанина въ бѣдствіяхъ войны, 1904“, „Пастырское утѣшеніе христіанина въ бѣдствіяхъ войны“. Имѣются у Владыки бесѣды толковательныя—„Молитва Господня въ девяти бесѣдахъ, 1905“, „Бесѣда І. Христа съ Никодимомъ, 1908“. „Бесѣда о грѣхахъ противъ Св. Духа, 1908“. Весьма поучительна статья: „Два райскихъ дара Божія въ человѣчествѣ, 1912“ (праздникъ и семья). Литературно-публицистическая дѣятельность Владыки завершается въ Петроградѣ. Последнее, что мы имѣемъ отъ него, представляетъ собою „Пастырскій голосъ во время войны. Петроградъ, 1914“.

Духъ вѣры и любви, жизненность, отзывчивость, удобопонятность и простота, вотъ что характеризуетъ произведенія Митрополита Владимира. Произведенія Владыки вызваны жизнью и при томъ высшею изъ формъ жизни, существующихъ на землѣ,—жизнью Церкви, эти произведенія служатъ жизни и зовутъ къ высшему типу жизни.

Кто же болѣе можетъ быть названъ богословомъ, какъ не

тотъ, кто своимъ словомъ, перомъ и жизнью зоветъ къ Богу? Съ нашей стороны присужденіе Митрополиту Владиміру степени доктора богословія будетъ законною данью за его труды. И то, что Академіи предоставляется право и честь присуждать ученныя степени своимъ іерархамъ, возвышаетъ достоинство академій и устанавливаетъ близость между іерархами и академіями. Предложеніемъ Митрополиту Петроградскому принять степень доктора богословія Московская Академія могла бы выразить мысль, что связь, которая установилась между нимъ и Академіей, не порвалась и не порвется оттого, что онъ пересталъ быть Московскимъ“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій § 175: „Ища, какъ духовнаго такъ и свѣтскаго званія, пріобрѣтшія извѣстность учеными трудами и не состояція на академической службѣ, могутъ быть возводимы академіями въ степень доктора богословскихъ наукъ безъ представленія особой для этого диссертациі по согласному постановленію, по крайней мѣрѣ, $\frac{2}{3}$ членовъ Совѣта“.—2) По § 109, лит. в, п. 6, того же устава „удостоеніе степени магистра богословія и доктора богословскихъ наукъ (§§ 172. 173 и 175)“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утверженіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Соглашаясь съ вышеизложенными представленіями и данною въ оныхъ оцѣнкою ученыхъ трудовъ Первенствующаго Члена Святѣйшаго Синода, Высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, Митрополита Петроградскаго и Ладожскаго,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о возведеніи *Высокопреосвященнаго Митрополита Владиміра*, на основаніяхъ, изложенныхъ въ § 175 устава духовныхъ академій,—въ степень доктора богословія.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „7 мая 1915. Исполнить“.

24 апрѣля 1915 года.

№ 5.

Присутствовали. подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архи-

мандрить Иларіопъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессор М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. И. Алмазовъ, С. С. Глаголевъ и Д. И. Введенскій; экстраординарные профессора—священникъ Е. А. Воронцовъ, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій, священникъ И. В. Гумилевскій и священникъ П. А. Флоренскій.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессор А. П. Шостынинъ; ординарные профессора—С. И. Соболевскій, А. А. Спасскій, М. М. Тарфевъ, С. И. Смирновъ и М. М. Богословскій; заслуженный экстраординарный профессор П. И. Соколовъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, Н. Л. Туницкій и священникъ В. Н. Страховъ.

Слушали: I. а) Сданный Преосвященнымъ Модестомъ, Епископомъ Верейскимъ, съ надписью: „1915. 27 Марта. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святейшаго Синода, отъ 9 марта за № 3044:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святейшій Правительствующій Синодъ слушали: прошеніе вольнослушателя Императорской Московской Духовной Академіи Іоанна *Нижитина* о разрѣшеніи ему писать семестровыя сочиненія и держать экзамены. Приказали: Прошеніе это препроводить, при указѣ, къ Вашему Преосвященству, съ тѣмъ, чтобы по содержанію прошенія, съ возвращеніемъ онаго, представлены были Святейшему Синоду свѣдѣнія и заключеніе“.

б) Прошеніе на имя Святейшаго Правительствующаго Синода вольнослушателя Императорской Московской Духовной Академіи, окончившаго Казанскіе Миссіонерскіе курсы, *Івана Нижитина*:

„Имѣя искреннее желаніе послужить на пользу Христовой Церкви и стремясь пріобрѣсти большія силы богословскаго знанія, почему и поступивши слушателемъ въ Императорскую Московскую Духовную Академію, а затѣмъ уже выступить на общественное служеніе ближнему, посему покорнѣйше прошу Святейшій Правительствующій Синодъ разрѣшить мнѣ писать семестровыя сочиненія и держать экзамены, для провѣрки моего познанія“.

Опредѣлили: Почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что окончившій Казанскіе Миссіонерскіе Курсы Иванъ *Никитинъ* въ теченіе 1914—1915 учебнаго года слушалъ въ Императорской Московской Духовной Академіи лекціи по своему выбору, а 18 апрѣля 1915 года выбылъ изъ оной, получивъ на руки всѣ свои документы.— Что касается просьбы Никитина, обращенной къ Святѣйшему Синоду, то она, по мнѣнію Совѣта Академіи, подлежитъ рѣшительному отклоненію на точномъ основаніи § 147-го ннѣдѣйствующаго устава духовныхъ академій, по коему постороннія лица, допущенныя къ слушанію академическихъ лекцій, „не пользуются правомъ участвовать въ практическихъ занятіяхъ и репетиторствѣхъ студентовъ, подавать третнія сочиненія и представлять диссертациі для полученія академическихъ ученыхъ степеней или званія и подвергаться переходнымъ и выпускнымъ испытаніямъ“.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1 апр. 1915. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйнаго Синода, отъ 27 марта за № 3920:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства отъ 17 февраля 1915 г. № 46, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи *объ учрежденіи* при оной *стипендіи и преміи* имени „Высокопреосвященнаго *Іакова*, Архіепископа Казанскаго и Свіязскаго“. Приказали: Рассмотрѣвъ настоящее представленіе Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) учредить при Императорской Московской духовной академіи стипендію и премію имени „Высокопреосвященнаго *Іакова*, Архіепископа Казанскаго и Свіязскаго“, на пожертвованный имъ капиталъ, въ суммѣ 12.000 руб. 4⁰/₁₀₀ Государственной рентой, 2) утвердить положеніе *объ означенныхъ стипендіи и преміи* въ представленномъ Вашимъ Преосвященствомъ видѣ, и 3) выразить Преосвященному *Іакову* благодарность отъ Святѣйнаго Синода за его щедрое пожертвованіе на стипендію и премію при Императорской Московской духовной академіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство и Преосвященнаго Казанскаго указами“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію, а утвержденное Синодальнымъ опредѣленіемъ положеніе о стипендіи и преміи имени Высокопреосвященнаго *Іакова*, Архіепископа Казанскаго и Свіязскаго,—къ руководству.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „20 апр. 1915. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода, отъ 20 апрѣля за № 5137:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Товарищемъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 14 Апрѣля 1915 года за № 3954, препровожденный и. д. начальника Генеральнаго Штаба Генераломъ отъ Инфантеріи Бѣляевымъ, при отношеніи отъ 10 сего Апрѣля за № 9588, приказъ по военному вѣдомству, отъ 6 Марта сего года за № 113, съ временными правилами о порядкѣ привлеченія въ 1915 году въ войска, на основаніи статьи 61^б Устава о Военской повинности, по прод. 1912 г., необходимаго числа молодыхъ людей, пользующихся отсрочками для окончанія курса высшихъ учебныхъ заведеній. Приказали: Настоящій приказъ по военному вѣдомству, съ означенными временными правилами, препроводить, при указахъ, Преосвященнымъ Митрополитамъ Петроградскому, Кіевскому и Вашему Преосвященству и Преосвященному Казанскому, для свѣдѣнія и руководства Правленій Императорскихъ Петроградской, Кіевской, Московскои и Казанской духовныхъ академій“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію и руководству.

IV. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 19 февраля, за № 2: „9 марта 1915. Исполнить“.

б) 10 марта, за № 3: „29 марта 1915. Исполнить. Къ ст. XXVI—Согласенъ“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

V. а) Благодарственные письма вновь избранных *Почетныхъ Членовъ Академіи* (на имя Преосвященнаго Ректора и Совѣта Академіи):

1) Преосвященнаго *Анастасія*, Епископа Ямбургскаго, Ректора Императорской Петроградской Духовной Академіи:

„Получивъ дипломъ на званіе почетнаго члена Императорской Московской Духовной Академіи, почтительнѣйше приношу Вашему Преосвященству и Совѣту высокочтимой Академіи еще разъ глубочайшую благодарность за высокую, оказанную мнѣ честь. Безконечно радъ имѣть счастье быть въ духовномъ общеніи съ великими дѣятелями, свѣточами науки. Сердечно желаю родной мнѣ теперь Академіи Московской великихъ милостей отъ Господа на славу и благо Святой Церкви Христовой и науки богословской“.

2) Преосвященнаго *Василія*, Епископа Каплевскаго, Ректора Императорской Кіевской Духовной Академіи:

„Приношу Вашему Преосвященству и возглавляемому Вами Совѣту Академіи еще разъ искреннѣйшую благодарность за оказанную мнѣ высокую честь избраніемъ меня въ Почетные Члены Императорской Московской Духовной Академіи.

Посылаемые при семъ особымъ переводомъ сто рублей покорнѣйше прошу принять въ кассу Братства Преподобнаго Сергія для вспоможенія нуждающимся студентамъ ввѣренной Вашему Преосвященству Академіи“.

3) Г. Секретаря Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, заслуженнаго профессора Академіи *Алексѣя Аванасьевича Дмитріевскаго*:

„Приношу глубокую благодарность почтенному Совѣту славной Императорской Московской Духовной Академіи за высокую честь избранія меня въ почетные свои члены. Прошу вѣрить, что выпавшею на мою долю честью я дорожу особенно потому, что по роду своихъ специальныхъ научныхъ занятій благоговѣнно преклонялся и умплялся предъ высоконучными трудами талантливыхъ питомцевъ и профессоровъ этой Академіи, каковы: протоіерей А. В. Горскій, Е. Е. Голубинскій, А. П. Катапскій, П. Д. Мансветовъ и многообъщавшій, но преждевременно скончавшійся, А. П. Голубцовъ. За исключеніемъ послѣдняго, я привыкъ считать всѣхъ ихъ своими учителями, стараясь въ скромной своей работѣ по

исторіи христіанскаго богослуженія, по мѣрѣ силъ, слѣдовать ихъ завѣтамъ и научнымъ методамъ.—Посылаемые 50 рублей прощу употребить по усмотрѣнію Совѣта“.

б) Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что бывшій намѣстникъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры *архимандритъ Тодія*, при врученіи ему диплома на званіе Почетнаго Члена Императорской Московскоі Духовноі Академіи, вмѣстѣ съ благодарностью за избраніе въ это званіе проситъ принять и его посильную жертву на нужды Академіи, въ размѣрѣ одной тысячи рублей (1000 р.), причемъ на предложеніе его, Преосвященнаго Ректора,—употребить означенную сумму на благоуукрашеніе академическаго храма—изъявить полное согласіе.

Опредѣлили: 1) Письма хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.—2) Присланные Преосвященнымъ *Василіемъ*, Епископомъ Кацевскимъ, 100 рублей передать въ Совѣтъ Братства Преподобнаго Сергія для вспоможенія нуждающимся студентамъ и воспитанникамъ Императорскоі Московскоі Духовноі Академіи, а пожертвованія *о. архимандрита Тодія* (1000 р.) и заслуженнаго профессора *А. А. Дмитріевскаго* (50 р.)—употребить на покрытіе расходовъ по благоуукрашенію академическаго храма,—выразивъ жертвователямъ отъ лица Совѣта Академіи глубокую благодарность.

VI. Письма *Почетныхъ Членовъ* Академіи: Высокопреосвященнаго *Антонія*, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, Высокопреосвященнаго *Арсенія*, Архіепископа Новгородскаго и Старорусскаго, Высокопреосвященнаго *Агаподора*, Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, и Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа *А. А. Тихомирова* — съ выраженіемъ благодарности за высланныя Совѣтомъ юбилейныя изданія Академіи.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ *мартъ* мѣсяцъ 1915 года, изъ которой видно, что—а) *по болѣзни*: лекторъ французскаго языка *А. К. Мишинъ* опустилъ 4 лекціи и экстраординарный профессоръ свящ. *И. В. Гумилевскій*—2 лекціи: б) *по нахожденію въ отпускѣ*: ординарный профессоръ *А. А.*

Спасскій—5 лекцій; в) по служебнымъ обязанностямъ члена *Провленія*: ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ — 2 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомость внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

VIII. Представленіе за подписями: о. Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*, сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Мурстова*, ординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*, экстраординарныхъ профессоровъ — священниковъ *Е. А. Воронцова*, *Д. В. Рождественскаго* и *В. Н. Страхова* и доцента *іеромонаха Варволомея* (Ремова):

„Преподаватели духовныхъ семинарій и составители семинарскихъ учебниковъ по Священному Писанію Ветхаго Завѣта перѣдко вынуждены бывають прибѣгать къ пособію еврейскаго языка — при истолкованіи, напр., библейскаго повѣствованія о міротвореніи, мессіанскихъ пророчествъ, падписаній надъ псалмами, — при разьясненіи библейской этимологіи собственныхъ именъ и пр. Тѣмъ болѣе, необходимость знакомства съ подлиннымъ языкомъ ветхозавѣтнаго Писанія для студентовъ Академіи не можетъ подлежать сомнѣнію. Безъ этого знакомства совершенно невозможно изученіе цѣлаго отдѣла Общаго Введенія—о внутренней исторіи подлиннаго текста и крайне затруднительно изученіе другихъ отдѣловъ, безъ пего недоступно пользованіе лучшими педагогическими и экзегетическими пособіями, немислимо самостоятельное разьясненіе текстовъ Писанія, различно понимаемыхъ и толкуемыхъ.—Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько важно и полезно знаніе еврейскаго языка при изученіи Ветхаго Завѣта, достаточно прочитати нѣсколько главъ Библии параллельно по переводамъ славянскому и русскому.—(Такое чтеніе Библии въ цѣломъ ея объемѣ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ признать обязательнымъ для каждаго священника, какъ пастыря, проповѣдника, законоучителя и миссіонера,— для каждаго преподавателя богословскихъ предметовъ въ духовной семинаріи). — Читающій на каждомъ шагѣ будетъ встрѣчаться съ разногласіями въ текстѣ этихъ переводовъ. Для разьясненія и примиренія ихъ окажется совершенно необходимымъ обращеніе къ масоретскому тексту Библии и къ переводу LXX. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ,

только путем сопоставленія подлиннаго текста Библии съ переводомъ LXX можно придти къ заключенію, что въ основѣ принятыхъ теперь чтеній въ томъ и другомъ лежитъ одинъ первоначальный еврейскій текстъ, неодинаково прочитанный LXX-ю и масоретами. Безъ справокъ въ еврейскомъ и греческомъ текстахъ Библии, безъ знакомства съ греческою лексикологіею и, по крайней мѣрѣ, съ элементарною еврейскою грамматикою, читатель не въ состояніи разсѣять тѣ сомнѣнія и недоумѣнія, которыя у него неизбежно будутъ возникать при сравненіи употребительныхъ и авторитетныхъ для насъ переводовъ: славянскаго и русскаго Синодальнаго. Для примѣра можно указать на слѣдующіе отдѣлы и отдѣльные стихи изъ ветхозавѣтныхъ священныя книгъ, при уясненіи которыхъ необходимо знаніе еврейскаго языка: Быт. 4, 7; 15, 2, 15; 49, 22; Числ. 24, 6; Суд. 5; 2 Цар. 6, 3—4; Іов. 39, 13; Пс. 2, 6, 12; 67; Ис. 41, 1; Дан. 9, 24—27; Зах. 5, 1 и мн. др. Но если бы можно было ограничиться и однимъ славянскимъ или однимъ русскимъ переводомъ, то и тогда обращеніе къ подлинному тексту было бы во многихъ случаяхъ безусловно необходимымъ тому, кто захотѣлъ бы самостоятельно и вполне сознательно, а не съ чужихъ словъ уяснить себѣ смыслъ того или другого библейскаго выраженія, не передаваемаго съ точностью въ переводѣ съ еврейскаго на другой языкъ или представляющаго вообще какія-либо трудности при истолкованіи. Совершенно неудобопонятный, напр., въ славянскомъ и русскомъ переводахъ ст. 10 гл. 8 книги Екклесіастъ сравнительно легко истолковывается по подлиннику.

Менѣе очевидна важность познанія въ еврейскомъ языкѣ (и сродномъ съ нимъ арамейскомъ нарѣчій) при изученіи Новаго Завѣта, оригинальный языкъ котораго — греческій. Но необходимо имѣть въ виду, что, какъ замѣтилъ одинъ ученый,—по большей части, написанное въ Новомъ Завѣтѣ на греческомъ языкѣ было задумано и произнесено на арамейскомъ нарѣчій (K. R. Hagenbach, *Encyklopädie und Methodologie der theologischen Wissenschaften*, Leipzig, 1874. S. 130; cf. *W. H. Guillemand*, *Hebraisms in the Greek Testament*. Cambridge, 1879. P. V.). Количество словъ и цѣлыхъ выраженій, перешедшихъ изъ еврейскаго и арамейскаго въ греческій языкъ Новаго Завѣта, очень значительно; еврейскіе обороты и

еврейская конструкція представляють здѣсь обычное явленіе. Наконецъ, въ Новомъ Завѣтѣ насчитываютъ до 300 случаевъ заимствованій изъ Ветхаго Завѣта; одни изъ нихъ ближе къ тексту масоретской Библии, другія — къ переводу LXX; но для тѣхъ и другихъ было бы весьма полезно знаніе не греческаго только языка, но и еврейскаго. — Въ виду же того, что все богословіе зиждется на Священномъ Писаніи обоихъ завѣтовъ, еврейскій языкъ слѣдуетъ признать необходимымъ для большинства наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи.

Въ духовныхъ семинаріяхъ еврейскій языкъ преподается, хотя и въ качествѣ необязательнаго предмета. Кажется, вполне основательно было бы предполагать, что лучшие воспитанники семинаріи, будущіе студенты академіи, по собственному желанію изучаютъ въ семинаріяхъ необязательный, но весьма нужный предметъ. Однако, опытъ нѣсколькихъ лѣтъ показалъ, что знакомыхъ сколько-нибудь съ еврейскимъ языкомъ поступаетъ въ академію очень ограниченное количество. Такъ, изъ числа поступившихъ въ началѣ текущаго учебнаго года въ академію не изучали еврейскаго языка — воспитанниковъ русскихъ духовныхъ семинарій 41 и 2 болгарина. Изъ 15 студентовъ, изучавшихъ въ семинаріяхъ еврейскій языкъ, нѣкоторые сами признаютъ свои познанія поверхностными и скудными; другіе заявляютъ, что пріобрѣтенныя ими свѣдѣнія не идутъ далѣе умѣнья читать по еврейски, разбирать простѣйшія глагольныя формы и мѣстоименные суффиксы, отчасти — пользоваться словаремъ. Только очень немногіе (4—5 человекъ) пріобрѣли въ семинаріяхъ познанія въ священномъ языкѣ достаточныя для успѣшнаго продолженія академическаго курса Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта.

Нельзя не обратить вниманія на то, что духовные воспитанники въ продолженіе семинарскаго и, отчасти, училищнаго курса, изучая, главнымъ образомъ, то, чему источникомъ служить Библия, вынуждены запомнить — механически и безъ всякой системы — массу еврейскихъ словъ, познаться съ оборотами еврейской рѣчи, перешедшими изъ еврейской Библии въ переводы греческій и славянскій и въ наши богослужебныя книги, — и даже съ нѣкоторыми грамматическими формами. Да и иначе и быть не можетъ: вѣдь

знакомство съ еврейскимъ словаремъ начинается съ перваго урока Закона Божія — съ изученія молитвы начинательной: здѣсь ученикъ узнаетъ, что *аминь* — слово еврейское, значитъ — *истинно, вѣрно*; а впослѣдствіи онъ долженъ бы узнать, что и *во имя* — гебраизмъ. При изученіи Священной исторіи и, особенно, Священнаго Писанія обоихъ завѣтовъ учащійся вынужденъ запоминать значеніе множества еврейскихъ и арамейскихъ словъ: Адамъ, Ева, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Елогимъ, Саваоѡ, Мессія, ишъ, тора, когелетъ, ширъ, аллилуія, бенъ, баръ, Кифа, соферъ, авивъ, альма и т. д. и т. д. По бѣглому подсчету, количество еврейскихъ и арамейскихъ словъ, значеніе которыхъ должно быть извѣстно всякому окончившему курсъ духовной семинаріи, доходить до 5—6 сотенъ. Разрозненныя и механически усвоенныя, конечно, эти свѣдѣнія почти бесполезны; но по приведеніи въ систему, они могли бы оказать важную услугу каждому студенту академіи. То, что не могло быть сдѣлано въ семинаріи, легко сдѣлать въ академіи, — при общеобязательности еврейскаго языка.

Въ виду вышеизложеннаго, не благоугодно ли будетъ Совѣту войти чрезъ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Московскаго съ ходатайствомъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи ввести съ будущаго учебнаго года въ Московской Духовной Академіи обязательное изученіе еврейскаго языка всѣми студентами перваго курса; каковое разрѣшеніе дано Совѣту Кіевской Духовной Академіи въ 1912 году. Въ связи съ этимъ, первую кафедру Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта необходимо перенести на второй курсъ, а вторую кафедру — на третій, что, при распредѣленіи учебныхъ часовъ по курсамъ, затрудненій не представитъ“.

При обсужденіи изложеннаго доклада нѣкоторыми членами Совѣта высказана была мысль (на которой и сосредоточились пренія), что задачи академическаго преподаванія состоятъ въ расширеніи и углубленіи познаній, уже приобрѣтенныхъ студентами, въ сокращенномъ видѣ, при прохожденіи курса духовной семинаріи, въ ознакомленіи ихъ съ методологическими приѣмами научной работы и т. п., а никакъ не въ сообщеніи *элементарныхъ* правилъ напр. грамматики языка. хотя бы и еврейскаго, и что воспитанники духовныхъ семи-

нарий, ищущіе академическаго образованія, должны являться въ Академію съ познаніями въ еврейскомъ языкѣ, настолько достаточными для правильнаго пониманія и истолкованія священнаго текста ветхозавѣтныхъ Писаній (что, по мысли доклада, необходимо имъ и помимо Академіи, въ дѣятельности пастырской), чтобы академическіе преподаватели Священнаго Писанія и библейскихъ наукъ могли излагать свои лекціи согласно современной научной постановкѣ предметовъ, а не приспособительно къ полному отсутствію у слушателей даже элементарныхъ познаній въ столь важной въ данномъ случаѣ вспомогательной дисциплинѣ, какъ еврейскій языкъ.—Признавая и съ своей стороны желательность новышенія въ указанномъ смыслѣ требованій отъ поступающихъ въ Академію, члены Совѣта, поддерживавшіе заключительный тезисъ доклада (о признаніи еврейскаго языка обязательнымъ для всѣхъ студентовъ I курса Академіи), указывали лишь на болѣе легкую практическую осуществимость послѣдняго, въ виду прецедента, имѣвшаго мѣсто въ Императорской Кіевской Духовной Академіи.

Въ зависимости отъ такого направленія преній Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи поставленъ былъ на голосованіе вопросъ: въ составъ *обязательныхъ* предметовъ *семинарскаго* или *академическаго* курса наукъ желательно было бы включить *еврейскій языкъ*?—Большинствомъ *семи* голосовъ (экстраординарныхъ профессоровъ-священниковъ Павла *Флоренскаго*, Иліи *Гумилевскаго* и Евгенія *Воронцова*, ординарныхъ профессоровъ—Дмитрія *Введенскаго*, Сергѣя *Глаголева* и Александра *Алмазова* и сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи Митрофана *Муретова*) противъ *четырехъ* (экстраординарныхъ профессоровъ—священника Дмитрія *Рождественскаго* и Апатолія *Орлова*, о. Инспектора архимандрита *Иларіона* и *Преосвященнаго Ректора* Академіи) Совѣтъ высказался за желательность включенія еврейскаго языка въ число обязательныхъ предметовъ курса *духовныхъ семинарій*; въ случаѣ же неосуществимости такового предположенія,—по крайшей мѣрѣ за установленіе для воспитанниковъ духовныхъ семинарій, намѣреющихся продолжать образованіе въ Академіи, обязательства имѣть въ семинарскомъ аттестатѣ удовлетворительный баллъ по еврейскому языку.

Справка: По § 124-му устава духовныхъ семинарій, измѣненія въ перечнѣ предметовъ семинарскаго преподаванія, въ числѣ уроковъ по предметамъ и распредѣленіи оныхъ по классамъ могутъ быть дѣлаемы только Святѣйшимъ Синодомъ по усмотрѣнію особой нужды.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о включеніи еврейскаго языка въ число *обязательныхъ* предметовъ изученія въ духовныхъ семинаріяхъ или, по крайней мѣрѣ, объ установленіи для *студентовъ* семинарій, желающихъ продолжать образованіе въ Академіи, обязательства имѣть въ семинарскомъ аттестатѣ удовлетворительный баллъ по еврейскому языку.

IX. Отношеніе Канцеляріи Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 14 марта за № 3398:

„Въ дополненіе къ представленію Преосвященнаго Митрополита Московскаго, отъ 10 марта 1915 года за № 74, объ утвержденіи *протоіерея Димитрія Садовскаго* въ степени магистра богословія. Первое отдѣленіе Канцеляріи Святѣйшаго Синода покорнѣйше проситъ доставить журналъ Совѣта Академіи по сему дѣлу и дополнительно три экземпляра диссертациі протоіерея Садовскаго“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора, журналъ собранія Совѣта Академіи 19 февраля текущаго 1915 года, за № 2, и три экземпляра магистерской диссертациі протоіерея Димитрія *Садовскаго* подъ заглавіемъ: „Блаженный Августинъ, какъ проповѣдникъ. Историко-гомилетическое изслѣдованіе“. Сергіевъ Посадъ, 1913 г.—препровождены въ Канцелярію Святѣйшаго Правительствующаго Синода при отношеніи отъ 1 апрѣля сего года за № 356.

Опредѣлили: 1) Принять къ свѣдѣнію.—2) Въ виду вторичной уже просьбы со стороны Канцеляріи Святѣйшаго Правительствующаго Синода о высылкѣ *трехъ дополнительныхъ экземпляровъ* магистерской диссертациі (сверхъ пятнадцати экземпляровъ, представляемыхъ Совѣтомъ Академіи въ Святѣйшій Синодъ согласно указу онаго отъ 10 апрѣля 1909 года за № 4547),—требовать отъ лицъ, пишущихъ въ Академіи ученой степени доктора или магистра богословія, представле-

нія въ Совѣтъ Академіи *семидесяти* (вмѣсто 65-ти) экземпляровъ ихъ диссертаций, съ тѣмъ, чтобы *двадцать пять* экземпляровъ доставляемы были авторами *печатныхъ* трудовъ непосредственно по принятіи ихъ Совѣтомъ Академіи къ разсмотрѣнію, а остальные *сорокъ пять*—послѣ признанія Совѣтомъ диссертации достаточною для искомой степени.— Въ случаѣ представленія авторомъ и одобренія Совѣтомъ Академіи *магистерской* диссертации *въ рукописи* (что допускается § 172-мъ академическаго устава),—всѣ *семьдесятъ печатныхъ* экземпляровъ оной должны быть доставлены въ Совѣтъ Академіи по крайней мѣрѣ *за двѣ недѣли* до защиты сочиненія на коллоквиумѣ.

Х. Прошеніе профессора богословія Императорскаго Университета Св. Владимира, *священника Николая Боголюбова*:

„Представляя при семъ свою книгу „Философія религіи. Ч. I историческая. Т. I. Кіевъ, 1915“ въ 50-ти экземплярахъ, покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи принять ее въ качествѣ диссертации на соисканіе мною степени доктора богословія“.

Справка: 1) По § 173 устава духовныхъ академій: „Лицо, имѣющее степень магистра богословія, удостоивается степени доктора богословскихъ наукъ по представленіи признаннаго соответствующимъ цѣли печатнаго сочиненія по одной изъ отраслей богословскаго вѣдѣнія, безъ новаго устнаго испытанія и безъ защиты сочиненія на коллоквиумѣ“.—2) Воспитанникъ Московской Духовной Академіи выпуска 1896 г. (нынѣ священникъ) *Николай Боголюбовъ* степени магистра богословія удостоенъ Совѣтомъ Московской же Духовной Академіи за представленное и удовлетворительно защищенное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Теизмъ и пантеизмъ. Опытъ логическаго взаимоотношенія данныхъ системъ“. Нижній Новгородъ, 1899 г. и утвержденъ въ этой степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 23 мая 1900 г. за № 3302.—3) По § 109, лит. а п. 15. академическаго устава „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертаций на ученныя степени и оцѣнка оныхъ“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра члѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Докторскую диссертацию профессора богословія въ Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра, священника Николая Боголюбова передать для разсмотрѣнія ординарному профессору Академіи по кафедрѣ основнаго богословія *С. С. Глаголеву*.

XI. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ докторской диссертации профессора-священника Н. М. Боголюбова онъ назначаетъ члена Совѣта—экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ исторіи философіи священника *П. А. Флоренскаго*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи:

„Въ виду поступившей ко мнѣ просьбы и. д. ординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго Университета *А. П. Доброклонскаго* объ ускореніи разсмотрѣнія его докторской диссертации о преп. Теодорѣ Студитѣ, представленной въ Совѣтъ Академіи 28 мая минувшаго 1914 года, я вынужденъ былъ обратиться къ рецензентамъ, которымъ поручена была оцѣнка означеннаго труда, — экстраординарному профессору по I-ой кафедрѣ патрологіи *И. В. Попову* и доценту Академіи по кафедрѣ пастырскаго богословія съ аскетикой и гомилетики *В. П. Виноградову*—съ соответствующими запросами и съ указаніемъ на примѣчаніе къ § 173-му академическаго устава, по коему „срокъ для прочтенія докторской диссертации не долженъ превышать 5 мѣсяцевъ“.

На эти запросы получены были мною нижеслѣдующіе отзывы:

а) Отъ экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Въ отвѣтъ на Вашъ запросъ за № 360. помѣченный 1-мъ апрѣля текущаго года и врученный мнѣ 7-го апрѣля¹⁾, имѣю честь объяснить, что замедленіе въ представленіи отзыва о докторской диссертации проф. Доброклонскаго произошло по слѣдующимъ причинамъ.

1. Книга проф. Доброклонскаго представляетъ собою довольно исключительное явленіе по своимъ размѣрамъ (стр.

¹⁾ Ранѣе онъ и не могъ быть врученъ, за выбытіемъ профессора И. В. Попова изъ Сергіевскаго Посада на родину.

1—912+I—XC+1—569—всего 1571) и количеству цитат и ссылок, требующих проверки. Вследствие этого она сама по себе требует от рецензента больше внимания, а следовательно и времени, чем диссертации обычного типа.

2. Диссертация проф. Доброклонского—не единственная порученная мне срочная работа. В течение настоящего учебного года я должен был вновь пересмотреть магистерскую диссертацию И. Адамова—Св. Амвросий Медиоланский, представленную ныне в новой редакции, и заняться рассмотрением магистерской диссертации Ф. Россейкина—Первое правление патр. Фотия. Я не говорю уже о 60-ти семестровых сочинениях, составляющих в общей сложности не менее 500 писанных листов, и о кандидатских сочинениях, идущих ко мне поступить.

3. Обстоятельства моей личной жизни сложились в текущем учебном году крайне неблагоприятно для занятий. В продолжении почти двух месяцев на моих глазах медленно и мучительно умирал от неизлечимой болезни мой родной брат. В эти тяжелые дни я не мог, конечно, предоставить близкого человека собственной участи, сосредоточить свое внимание на научных занятиях. У меня не было не только необходимого для этого спокойствия духа, но и просто времени. После кончины брата мне опять потребовалось не мало времени для приведения в порядок его дела и обязательств, так как он умер одиноким. Наконец, Вашему Преосвященству не безызвестно, что пережитые волнения очень неблагоприятно отозвались на моем здоровье, так как с Вашего позволения я пользовался минувшим постом теплыми ваннами в академической больнице.

Не смотря на указанные обстоятельства я напрягал все силы к тому, чтобы к концу текущего учебного года завершить все порученные мне Советом работы. Но не успел я оправиться от одного горя, как меня постигло другое: 27 марта скончалась моя тетушка, заменившая мне мать, которую я имел несчастье утратить в раннем детстве. Это новое огорчение окончательно разстроило мое здоровье, которое для своего поправления требует полного отдыха и систематического лечения, в удостоверение чего мною представляется при сем свидетельство пользующего меня врача.

Такъ какъ мнѣ неизвѣстно, насколько быстро и усильно пойдетъ мое лѣченіе и какое дальнѣйшее теченіе приметъ моя болѣзнь, то я лишень всякой возможности дать опредѣленныя указанія относительно того, когда именно мною будетъ закончено разсмотрѣніе диссертациі проф. Доброклонскаго. Могу только сказать, что самъ я отнюдь не менѣе г. Доброклонскаго желаю поскорѣе освободиться отъ обязательныхъ и срочныхъ работъ. Нетерпѣніе проф. Доброклонскаго вполне естественно и для меня понятно. Поэтому Ваше Преосвященство, можетъ быть, найдете возможнымъ удовлетворить его, предложивъ Совѣту Академіи, въ виду совершенно исключительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ нахожусь я, поручить другому лицу разсмотрѣніе его диссертациі“.

б) Отъ доцента *В. П. Виноградова*:

„Вслѣдствіе запроса Вашего Преосвященства за № 361 по дѣлу о порученной мнѣ Вашимъ Преосвященствомъ для разсмотрѣнія докторской диссертациі проф. Доброклонскаго, долгъ имѣю сообщить, что диссертациія не могла быть разсмотрѣна въ пятимѣсячный срокъ, равно какъ и не можетъ быть закончена разсмотрѣніемъ въ ближайшемъ времени по нижеслѣдующимъ основаніямъ.

1. Докторская диссертациія проф. Доброклонскаго—исключительно-громаднаго объема—не менѣе 1500 страницъ самаго убористаго шрифта. Превосходя обычный средній типъ такого рода диссертациій не менѣе какъ въ два раза, она требуетъ и удвоеннаго срока для разсмотрѣнія.

2. Диссертациія проф. Доброклонскаго дана была мнѣ, когда еще не было закончено мною дѣло о магистерской диссертациі прот. Садовскаго, которую я разсматривалъ въ качествѣ перваго рецензента.

3. Извѣстныя Вашему Преосвященству тяжелыя терзанія, перенесенныя мною при прохожденіи моей собственной магистерской диссертациі (закончившемся только въ августѣ текущаго года) настолько распатали мою нервную систему, что потребовалось серьезное лѣченіе, и не только усиленная, но и вообще регулярная ученая работа въ текущемъ году была для меня затруднительна.

4. Диссертациія проф. Доброклонскаго, хотя и имѣетъ предметомъ лицо, извѣстное и въ исторіи проповѣди, но рассмат-

риваетъ только такія стороны его жизнедѣятельности, которыя, составляя кругъ спеціальнаго вѣдѣнія 2-ой кафедры патрологіи, *не имѣютъ никакого отношенія къ научнымъ дисциплинамъ занимаемой мною кафедры.* На протяженіи 1500 страницъ здѣсь нѣтъ, можно сказать, ни одного слова ни по Гомилетикѣ, ни по Пастырскому Богословію. Сколько-нибудь добросовѣстное разсмотрѣніе такого рода изслѣдованія требуетъ отъ меня спеціальнаго и кропотливаго изученія совершенно новыхъ для меня научныхъ матеріаловъ. Но, не говоря уже о томъ, что для меня нравственно тяжело исключительно сосредоточиваться надъ воздѣлываніемъ *чужой* научной области (патрологіи), бросивъ надолго свою собственную (Гомилетику и Паст. Богословіе), — такая работа въ совершенно новой научной области требуетъ продолжительнаго времени.

Въ виду всего вышеизложеннаго, при желаніи проф. Доброклонскаго незамедлительнаго разсмотрѣнія его диссертации, я считаю долгомъ покорнѣйше просить Ваше Преосвященство освободить меня отъ разсмотрѣнія докторской диссертации проф. Доброклонскаго“.

Предлагая о семь на разсмотрѣніе Совѣта Академіи, считаю долгомъ присовокупить, что назначеннаго мною второго рецензента—доцента *В. П. Виноградова*—я не нахожу возможнымъ освободить отъ даннаго ему порученія“.

Опредѣлили: Разсмотрѣніе и оцѣнку диссертации и. д. ординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета А. П. Доброклонскаго оставить на обязанности тѣхъ же лицъ, на коихъ возложено было это порученіе опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 28 мая 1914 года, т. е. экстраординарнаго профессора *И. В. Попова* и доцента *В. П. Виноградова*, выразивъ надежду, что г. г. рецензенты найдутъ возможнымъ представить въ Совѣтъ Академіи отзывы о диссертации въ началѣ слѣдующаго 1915—1916 учебнаго года.

XIII. Прошеніе кандидата Академіи выпуска 1898 года, Можайскаго Николаевскаго собора священника *Димитрія Лебедева*:

„Прилагая при семь два экземпляра своего сочиненія: „Изъ исторіи древнихъ пасхальныхъ цикловъ. I. 19-лѣтній

циклъ Анатолія Лаодикійскаго“, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять это сочиненіе въ качествѣ диссертациі на соисканіе степени магистра богословія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ я не имѣю правъ магистранта, представляю на разсмотрѣніе Совѣта по одному экземпляру оттисковъ своихъ статей: 1) „Средники. Къ вопросу о происхожденіи этой старообрядческой секты“. 2) „Антіохійскій соборъ 324 года и его посланія къ Александру, епископу Фессалонитскому“. 3) „Къ вопросу о коптскихъ актахъ 3 вселенскаго ефесскаго собора“. 4) „Евсейіи Никомидійскій и Лукіанъ“. 5) „Изъ эпохи аріанскихъ споровъ. Павлинъ и Зинонъ епископы тирскіе“. 6) „Къ исторіи времячисленія у евреевъ, грековъ и римлянъ“. 7) „Еще о циклѣ псевдо-Анатолія“. 8) „Библиографическія замѣтки о книгахъ:—А. П. Дьяконова, Іоаннъ Ефесскій и 9) G. Schoe, Die Quellen des Kirchenhistorikers Sozomenos“, и 10) „Къ вопросу объ антіохійскомъ соборѣ 324 года и о великомъ и священномъ соборѣ въ Анкирѣ“ (Разборъ книги E. Seeberg'a).

Кромѣ этихъ статей мною напечатаны: 11) „Почему праздникъ Пасхи 25 марта называется „Кириопасха““. 12) „Къ вопросу объ антіохійскомъ соборѣ 324 года“.—I. (Разборъ статьи А. Нагнак'а въ Трудахъ Императорской Кіевской Духовной Академіи 1914 года, апрѣль, іюль—августъ, ноябрь; 1915 г., январь). 13) „День Рождества Христова по хронологіи св. Ипполита Римскаго“ въ Христіанскомъ Читеніи 1915 г., январь и февраль. 14) „Циклъ Анатолія Лаодикійскаго по В. В. Болотову“ въ Византійскомъ Временникѣ т. XIX и 15) „Замѣтки о книгѣ Н. В. Степанова: „Тѣтошсець въ спорѣ патріарха Никифора“. Отдѣльные оттиски статей №№ 12—15 мною еще не получены. Оттисковъ же статьи № 11, появившейся въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1905 г. май, не было. Сверхъ того мною написаны нѣкоторыя мелкія замѣтки въ поправкахъ и дополненіяхъ XII т. „Православной Богословской Энциклопедіи“, стр. 910 слѣд. (большія статьи, написанныя для этой Энциклопедіи, не появились) и редактированы были въ 1910 году и снабжены примѣчаніями отдѣль о спорахъ о Пасхѣ во второмъ выпускѣ лекцій проф. В. В. Болотова.

Всѣ перечисленныя работы покорнѣйше прошу принять взамѣнъ тѣхъ семестровыхъ сочиненій, по которымъ я имѣю

баллы ниже 4½, и вмѣстѣ съ тѣмъ, если эти работы окажутся по мнѣнію Совѣта заслуживающими одобренія, осмѣливаюсь покорнѣйше просить Совѣтъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ и объ освобожденіи меня отъ дополнительныхъ устныхъ испытаній по тѣмъ предметамъ, по которымъ мною полученъ баллъ ниже 4 или 4½“.

Опредѣлили: 1) Магистерскую диссертацию священника Димитрія Лебедева передать для разсмотрѣнія ординарному профессору Академіи *С. П. Соболевскому*. — 2) Разсмотрѣніе печатныхъ трудовъ священника Лебедева, представленныхъ имъ взамѣнъ не исполнѣ достаточныхъ для магистерской степени письменныхъ работъ его за время прохожденія академическаго курса, поручить комисіи изъ о. Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*, сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* и экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*.

XIV. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ магистерской диссертациі священника Димитрія Лебедева онъ назначаетъ члена Совѣта— о. Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XV. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 6 апрѣля за № 935:

„Императорское Московское Археологическое Общество, глубоко тронутое лестнымъ для него привѣтствіемъ въ день празднованія имъ 50-лѣтія своей дѣятельности, приноситъ Императорской Московской Духовной Академіи выраженіе своей глубочайшей благодарности за любезное поздравленіе и добрыя пожеланія“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVI. Отношенія:

а) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 14 марта за № 610, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи славянской рукописи Чудовскаго собранія за № 318 б.

б) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 1 апрѣля за №№ 666, 667, 668 и 669, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей Лаврской бібліотеки за №№ 205 и 686; 87, 91, 145, 155, 156, 157, 158, 185, 309, 311, 408, 677, 666, 682, 708, 748, 749, 750 и 751; 765; 628.

в) Совѣта Императорской Кіевской Духовной Академіи, отъ 10 марта за № 388, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора Н. Л. Туницкаго, рукописи изъ бібліотеки Церковно-Археологическаго Музея при Академіи за № 137 („Житіе Іоанна Златоустаго“).

г) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 6 и 8 апрѣля за №№ 701 и 786, съ препровожденіемъ рукописей Лаврской бібліотеки подъ №№ 204 и 765 (для научныхъ занятій ординарнаго профессора Академіи С. И. Смирнова, на трехмѣсячный срокъ) и 666 (для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора Н. Л. Туницкаго, срокомъ на одну недѣлю).

д) Правленія Казанской Духовной Семинаріи, отъ 26 марта за № 1003:

„Правленіе Казанской духовной семинаріи честь имѣетъ покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи о высылкѣ въ семинарію на мѣсячный срокъ, для научныхъ занятій инспектора семинаріи М. И. Бенеманскаго, имѣющихся въ фундаментальной бібліотекѣ Академіи изданій: Prochiron Legum publicato secondo il Codice Vaticano greco 845 a cura di J. Brandileone e V. Puntoni и Гласникъ српскогъ ученогъ друштва. Друго одельенье. Кнѣига VIII. У Београду. 1877. Крмчи а Морачка. Описъ рукописа... Градски законъ описао и издао архимадритъ Н. Дудичъ.

По минованіи вышеотмѣченнаго срока надобности просимыя изданія имѣютъ быть возвращены въ совершенной цѣлости и исправности“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора, означенныя въ отношеніи изданія посланы въ Правленіе Казанской духовной семинаріи при отношеніи отъ 2 апрѣля с.г. за № 364.

е) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 27 марта

за № 770, съ увѣдомленіемъ о продленіи срока пользования книгами, высланными въ Совѣтъ Академіи при отношеніи Библіотеки отъ 1 декабря 1914 года за № 3360,—еще на три мѣсяца.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVII. Прошеніе кандидата Академіи выпуска минувшаго 1914 года *Тихона Бѣляева*:

„Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи о нижеслѣдующемъ.

Съ января мѣсяца сего года я состою и. д. преподавателя *русской словесности въ Виленскомъ Маріинскомъ Высшемъ женскомъ училищѣ*. Преподаваніемъ моимъ мое начальство довольно, однако утвержденіе меня въ должности штатнаго преподавателя встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе въ томъ обстоятельстве, что у меня въ дипломѣ нѣтъ отмѣтки по тому предмету, который сейчасъ преподаю.

Ввиду такого прискорбнаго для меня обстоятельства позволяю себѣ обратиться къ Совѣту Академіи съ просьбой о разрѣшеніи мнѣ держать при Академіи экзамень *по исторіи русской литературы* съ выдачей мнѣ—въ случаѣ моей уснѣпности—свидѣтельства о сдачѣ помянутаго экзамена“.

Опредѣлили: Просьбу кандидата Тихона Бѣляева,—за отсутствіемъ въ академическомъ уставѣ основаній къ ея удовлетворенію,—отклонить.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „23 мая 1915 г. Исполнить“.

28 мая 1915 года.

№ 6.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Преосвященнаго Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный проф. А. П. Шостынь; ординарные

профессоры—С. С. Глаголевъ, С. И. Смирновъ и Д. И. Введенскій; экстраординарные профессора — И. В. Поповъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, протоіерей Д. В. Рождественскій, священникъ И. В. Гумилевскій и священникъ П. А. Флоренскій.

Отсутствовали: Ординарные профессора—А. И. Алмазовъ, С. И. Соболевскій, А. А. Спасскій, М. М. Таръевъ и М. М. Богословскій; заслуженный экстраординарный профессор П. П. Соколовъ и экстраординарный профессор священникъ В. Н. Страховъ.

Въ собраніи семь преподаватель Калужской духовной семинаріи, кандидат богословія, окончившій академическій курсъ по первому разряду, *Иванъ Адамовъ* защищалъ на коллоквиумъ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Св. Амвросій Медиоланскій“. Сергіевъ Посадъ, 1915 г.

Официальными оппонентами были: и. д. ординарнаго, заслуженный профессор Академіи по кафедрѣ педагогики *А. И. Шостычъ* и экстраординарный профессор по 1-й кафедрѣ патрологіи *И. В. Попова*.

По окончаніи коллоквиума, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту удовлетворительною, а магистранта — достойнымъ утвержденія въ искомой имъ степени магистра богословія.

Справка: §§ 179 и 109, лит. в, п. 6, устава духовныхъ академій.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи преподавателя Калужской духовной семинаріи, кандидата богословія, *Ивана Адамова* въ степени магистра богословія.— 2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ—восемнадцать экземпляровъ диссертации кандидата Адамова и копій съ отзывовъ о ней и. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора Академіи *А. И. Шостыча* и экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „15 іюня 1915. Исполнить“.

28 мая 1915 года.

№ 7.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Ректора Академіи Θεодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостыинъ, ординарные профессора — С. С. Глаголевъ, С. И. Смирновъ и Д. И. Введенскій; экстраординарные профессора — И. В. Поповъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, протоіерей Д. В. Рождественскій, священникъ И. В. Гумилевскій и священникъ П. А. Флорепскій.

Отсутствовали: Ординарные профессора—А. И. Алмазовъ, С. И. Соболевскій, А. А. Спасскій, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; заслуженный экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ и экстраординарный профессоръ священъ В. Н. Страховъ.

Слушали: Отзывы о сочиненіи исправляющаго должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи по кафедрѣ исторіи Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени, въ связи съ исторіей Славянскихъ церквей и Румынской, кандидата богословія, *Θ. М. Россейкина* подъ заглавіемъ: „Первое правленіе Фотія, патріарха константинопольскаго“, Сергіевъ Посадъ, 1915 г., представленномъ на соисканіе степени магистра богословія.

а) Экстраординарнаго профессора Академіи по 1-й кафедрѣ патрологіи *П. В. Потова*:

„Интересъ темы, разработкѣ которой посвящено настоящее изслѣдованіе, понятенъ. Высокая личность патріарха Фотія привлекаетъ къ себѣ вниманіе историка силою своего характера, уточненностью воспитанія, благородствомъ поведенія, разносторонностью образованія, широтою умственнаго кругозора. Получивъ богатые дары отъ природы и умноживъ ихъ неуслышимымъ личнымъ трудомъ, онъ достигъ вершинъ, съ которыхъ вождемъ народовъ становятся ясны назрѣвающія потребности и пробуждающіяся стремленія массъ. Въ его лицѣ

византійское общество осознало себя самого и нашло тѣ ясныя слова для своихъ неясныхъ предчувствій, которыя стали знаменемъ, объединившимъ всѣхъ, кому была дорога церковная независимость Востока отъ нивеллирующихъ притязаній Запада. Такъ и сама по себѣ обаятельная личность патр. Фотія, по силѣ и важности событій, въ центрѣ которыхъ онъ стоялъ, получаетъ мировое значеніе. Остановить свой выборъ на этой многообѣщающей темѣ было для г. Россейкина тѣмъ естественнѣе, что, не смотря на огромное историческое значеніе личности Фотія въ судьбахъ восточной церкви, въ русской литературѣ, которой никакъ нельзя отказать въ должномъ вниманіи къ разнообразнымъ вопросамъ, связаннымъ съ этимъ именемъ, до сихъ поръ нѣтъ монографіи, посвященной всецѣло великому патріарху, въ которой были бы сведены къ единству цѣнные результаты частныхъ изысканій. Поэтому мы не можемъ не привѣтствовать попытку дать на русскомъ языкѣ исчерпывающее и всестороннее изслѣдованіе о патр. Фотіи, которое, получивъ законченный видъ, могло бы занять въ нашей церковно-исторической наукѣ такое же почетное положеніе, какое въ нѣмецкой литературѣ принадлежитъ капитальному трехтомному труду Гергспретера. Въ настоящее время, въ качествѣ диссертации на соисканіе степени магистра богословія, намѣченная работа поступаетъ лишь въ небольшой своей части, обнимающей жизнь Фотія отъ его рожденія до низложенія Василиемъ Македоняниномъ, завершившаго его первое правленіе константинопольскимъ патріархатомъ. Весь относящійся сюда матеріалъ излагается въ формѣ повѣствованія и располагается въ порядкѣ хронологической послѣдовательности. При своемъ значительномъ объемѣ (487 стр.) книга отличается большою содержательностью. Центральное мѣсто, какъ и естественно, занимаетъ въ ней исторія столкновенія Фотія съ папой Николаемъ. Но на ряду съ этимъ читатель найдетъ здѣсь очень обстоятельные трактаты о воспитаніи, религіозно-философскомъ направленіи и педагогической дѣятельности Фотія, всестороннюю характеристику его пастырскихъ заботъ въ санѣ патріарха, выразившихся въ распространеніи просвѣщенія, обширной перепискѣ, проповѣдничествѣ, борьбѣ съ ересями иконоборцевъ и павликіанъ и усиліяхъ достигнуть уніи съ армянской церковью, столь близкой православію

по духу, но отторгнутой отъ него въ силу стеченія неблагопріятныхъ вѣдшихъ условій и самыхъ печальныхъ недоразумѣній. Наконецъ, нѣсколько очень цѣнныхъ главъ изслѣдованія посвящены трудамъ Фотія по распространенію христіанства среди языческихъ сосѣдей Византіи—руссовъ, хозаръ, сербовъ, въ Моравіи, Болгаріи и среди магометанъ и евреевъ. Такимъ образомъ все, относящееся къ первому правленію Фотія, нашло для себя надлежащее освѣщеніе въ диссертациі г. Россейкина.

Въ своей работѣ г. Россейкинъ имѣлъ очень опаснаго предшественника и конкуррента въ лицѣ Гергенретера. Его обширное, всестороннее, необыкновенно трудолюбивое, основанное на самомъ тщательномъ изученіи источниковъ, изслѣдованіе о патріархѣ Фотіи (J. Hergenröther. Photius, Patriarch von Constantinopel. Bb. I—III) не легко было превзойти. Между сочиненіями, касающимися одного и того же предмета, опирающимися въ большинствѣ случаевъ на одни и тѣ же источники, связанными единствомъ плана и метода, естественны и даже неизбежны извѣстныя совпаденія. Есть такія совпаденія и между двумя сопоставляемыми нами трудами. Но тѣмъ не менѣе за книгой г. Россейкина нельзя не признать оригинальности и самостоятельности, которыя являются тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ съ большимъ трудомъ онѣ могли быть достигнуты. Три обстоятельства давали автору возможность освѣтить личность патр. Фотія съ новыхъ точекъ зрѣнія и по своему оцѣнить характеръ событій, въ которыхъ онъ принималъ участіе.

1. Г. Россейкинъ привлекъ къ своей работѣ цѣлый рядъ источниковъ, которые отчасти еще не были извѣстны въ то время, когда писалъ Гергенретеръ, отчасти стояли внѣ его кругозора и не были имъ использованы. Въ числѣ ихъ прежде всего нужно отмѣтить списокъ житій, которыми пользовался нашъ авторъ: импер. Θεодоры (стр. 54, пр. 3; 447), Іоаннікія Великаго (стр. 7, пр. 3), Евфимія (стр. 330), Евстратія (стр. 280, пр. 2), Іосифа Пѣснописца (стр. 230, пр. 3), Θεοφано, супруги имп. Льва VI (стр. 330, пр. 2), Михаила Синкелла (стр. 404, пр. 1), Θεодора едесскаго (стр. 410) и Евѣимія Новаго (стр. 439). Болѣе значенія имѣютъ акты собора 861 г. Въ своемъ полномъ видѣ эти акты были уничтожены по постановленію собора 869 г. въ угоду Риму, но сокращенное

изложеніе ихъ части, касающейся суда надъ патріархомъ Игнатіемъ, сохранилось въ каноническомъ сборникѣ, составленномъ въ XI в. кардиналомъ Deusdedit'омъ. Этотъ источникъ первостепенной важности давалъ полную возможность пересмотрѣть исторію собора, извѣстную ранѣе лишь изъ источниковъ, дружественныхъ патр. Игнатію и враждебныхъ патр. Фотію (стр. 123—143) и опредѣлить, въ какой степени византійское правительство и клиръ признавали въ то время законность римскихъ притязаній. Къ числу новыхъ источниковъ, которыми пользовался г. Россейкинъ, нужно отнести далѣе нѣкоторыя вновь изданныя сочиненія Фотія. Изъ писемъ патріарха, неизвѣстныхъ ранѣе, имъ использовано двадцать одно, подлинно ему принадлежащихъ, изъ сборника, изданнаго въ 1896 г. Пападопуло-Керамевсомъ. Наконецъ, авторомъ приняты во вниманіе бесѣды Фотія, изданныя Порфиріемъ Успенскимъ и Аристархи.

2. Отношеніе г. Россейкина къ матеріаламъ, которыми пользовался и Гергенретеръ, совершенно оригинально. Сравнительно съ нимъ онъ стоитъ на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія. Личность патр. Фотія въ свое время расколола византійское общество на двѣ враждебныхъ половины: у него было много друзей и поклонниковъ, но не мало также и ожесточенныхъ враговъ. Разказы тѣхъ и другихъ о переживаемыхъ бурныхъ событіяхъ діаметрально противоположны. Но и въ настоящее время не прекратилась борьба вокругъ его имени. Конфессіональныя тенденціи раздѣляютъ ученыхъ на два лагеря. Изслѣдованіе Гергенретера, всецѣло проникнутое папистическими тенденціями, глубоко не справедливо къ Фотію. Католическій ученый съ особеннымъ удовольствіемъ склоняетъ свой слухъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, исходящимъ изъ враждебныхъ Фотію круговъ, и съ меньшимъ довѣріемъ относится къ даннымъ противоположнаго характера. Наоборотъ, г. Россейкинъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе второй группѣ источниковъ и по частнымъ поводамъ устанавливаетъ истинную цѣнность памфлетовъ, выпедшихъ изъ-подъ пера враговъ патріарха. Такимъ образомъ, новое изслѣдованіе является не только исторической монографіей, но и апологіей личности Фотія и этой защитѣ во многихъ случаяхъ нельзя отказать въ основательности и остроуміи.

3. Наконецъ, со времени изданія труда Гергенретера появилась огромная литература, касающаяся предметовъ и обстоятельствъ такъ или иначе связанныхъ съ личностью патріарха Фотія. Широко и умѣло использованная авторомъ, она сообщила его изслѣдованію свѣжестъ и поставила его на уровеньъ современныхъ знаній.

Изъ всего сказаннаго ранѣе видно, что диссертация г. Россейкина основана на самомъ добросовѣстномъ изученіи источниковъ и литературы. Всѣ частные вопросы, входящіе въ составъ его изслѣдованія, разработаны имъ съ одинаковымъ вниманіемъ и тщательностью. Въ особенности выдѣляется въ этомъ отношеніи отдѣлъ о миссіонерской дѣятельности патр. Фотія, составленный на основаніи богатой и разносторонней литературы. Къ числу достоинствъ сочиненія нужно отнести также осторожность въ выводахъ и утвержденіяхъ. Авторъ стремится оставаться въ сферѣ несомнѣннаго, твердо установленнаго, не подлежащаго спорамъ. Это предохраняетъ его отъ обмолвокъ и непровѣренныхъ сужденій. Нельзя также не отмѣтить достоинствъ изложенія, которымъ написана вся книга. Авторъ пишетъ прекраснымъ русскимъ языкомъ почти совершенно безъ иностранныхъ словъ, безъ вымученныхъ неологизмовъ, которыми теперь такъ сильно злоупотребляютъ. Его фраза отточена, кратка и вмѣстѣ съ этимъ выразительна и живописна.

Главнымъ недостаткомъ сочиненія является отсутствіе введенія, которое по характеру источниковъ и самой постановкѣ изслѣдованія представляется рецензенту совершенно необходимымъ. О характерѣ источниковъ для біографіи Фотія мы имѣли уже случай упомянуть. Къ твердо установленному и безспорному взгляду на личность патріарха и событія его времени исторія не придетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнуто соглашеніе по вопросу о цѣнности и достовѣрности источниковъ. Послѣдніе необходимо раздѣлить на группы, опредѣлить тенденціи каждой изъ нихъ, установить степень объективности различныхъ свидѣтельствъ. Правда, источники эти много разъ подвергались обслѣдованію. Относящаяся сюда литература хорошо извѣстна автору и ея выводы постоянно имѣются имъ въ виду. Но вѣдь и по каждому другому вопросу, затронутому въ диссертации, написано очень много и если это не исключаетъ возможности и на-

добности пересмотра ранѣйшей литературы, то то же самое нужно сказать и о существующихъ уже изслѣдованіяхъ, посвященныхъ анализу источниковъ. Даже и въ томъ случаѣ, если бы къ достигнутымъ въ этой области результатамъ оказалось невозможнымъ ничего прибавить, обзорѣніе источниковъ было бы полезно сдѣлать ради читателей книги. Конечно, для ученаго или человѣка просто хорошо знакомаго съ эпохой въ немъ пѣтъ необходимости. Но изслѣдованіе о такой центральной въ исторіи восточной церкви фигурѣ, какъ патр. Фотій, должно имѣть въ виду и рядового читателя, котораго необходимо предварительно ознакомить съ критическими принципами, положенными авторомъ въ основу своей работы.

Но едва ли не необходимѣе было разъяснить во введеніи, насколько и въ какихъ предѣлахъ признавались на востокѣ права римской катедры. Исторіи извѣстно, что случаи обращенія представителей восточной церкви за поддержкою въ Римъ были не рѣдки. Изъ самой книги читатель видитъ, что не только гонимый патр. Игнатій и его сторонники ищутъ опоры у римскаго первосвященника, но и само византійское правительство проявляетъ большую заинтересованность въ томъ, чтобы Фотій былъ признанъ Римомъ въ достоинствѣ константинопольскаго патріарха, выступаетъ съ обвиненіями низложеннаго Игнатія, позволяетъ легатамъ папы произвести судъ надъ послѣднимъ въ самомъ Константинополѣ въ присутствіи императора и клира. Какъ смотрѣть на эти факты? Если право римскаго папы на вмѣшательство во внутреннія дѣла константинопольскаго патріархата вовсе не признавалось, то какъ были возможны подобныя обращенія къ Риму? Если въ этомъ вопросѣ на Востокѣ не было единства и церковное общество распадалось на партію сторонниковъ и противниковъ Рима, то необходимо было выяснитъ составъ и точную программу каждой партіи. Если авторитетъ Рима признавался, но не въ тѣхъ предѣлахъ, до какихъ его старался расширить папа, то нужно точно установить границы, до которыхъ готовъ былъ идти Константинополь. Все это вопросы, на которые читатель не найдетъ точныхъ и определенныхъ отвѣтовъ въ книгѣ г. Россейкина. Онъ очень часто говоритъ, что главенство папы на Востокѣ не признавалось. Но понятіе главенства само по себѣ неопредѣленно. Нужно знать, въ чемъ именно это главенство стремилось выра-

зяться, и съ какими ограниченіями оно утрачивало характеръ недопустимаго господства одного патріархата надъ другимъ. Указанный пробѣлъ отражается неблагопріятно на всей книгѣ. Ея авторъ не ограничивается простымъ повѣствованіемъ, но даетъ оцѣнку фактамъ и выступаетъ судьей между Востокомъ и Западомъ. Этотъ судъ естественнѣе всего было бы производить на основаніи каноническихъ нормъ, стоящихъ выше той и другой церкви. Но ихъ недостаточно, потому что не все, безспорное на Западѣ, считалось закономъ на Востокѣ. При такихъ условіяхъ остается возможность оцѣнки фактовъ лишь съ точки зрѣнія нормъ, признаваемыхъ каждой стороною, чтобы установить, насколько та и другая сторона дѣйствовала согласно съ собственнымъ правосознаніемъ. Но такъ какъ каноническое правосознаніе восточной церкви въ данномъ вопросѣ авторомъ съ точностью не установлено, то онъ оказался въ положеніи судьи, у котораго нѣтъ законовъ. По крайней мѣрѣ таково впечатлѣніе, которое читатель выноситъ изъ апологетической части изслѣдованія г. Россейкина.

Указанный недостатокъ не препятствуетъ однако признать диссертацию г. Россейкина трудомъ выдающимся, а ея автора вполне заслуживающимъ степени магистра богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи и общенія западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей Западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени, *А. П. Орлова*:

„Книга *Θ. М. Россейкина*, озаглавленная: „Первое правленіе Фотія, п. Константинопольскаго“, состоитъ изъ краткаго предисловія (I—III), въ которомъ авторъ обосновываетъ ея право на появленіе въ свѣтъ въ виду существующей уже обширной научной литературы о п. Фотіи, и въ частности капитальнаго сочиненія о немъ Гергенретера, — затѣмъ изъ 18 главъ изслѣдованія (1—168 стр.), и трехъ приложений (171—183 стр.). По своему характеру книга *Θ. М. Россейкина* представляетъ собою первый въ русской церковно-исторической литературѣ опытъ полной (въ отмѣченныхъ хронологическихъ рамкахъ темы автора) біографіи знаменитаго византійскаго патріарха, въ связи съ обстоятельнымъ выясненіемъ той исторической обстановки, въ какой протекала его жизне-

дѣятельность. Общее содержаніе изслѣдованія автора съ достаточной опредѣленностью можно видѣть изъ оглавленія его книги: гл. 1. — Дѣтство и юность Фотія и начало его дѣятельности (1—35 стр.). 2 гл.—Патріархъ Игнатій и Фотій (35—64). 3 гл.—Избраніе Фотія на патріаршество (64—99). 4 гл.—Энтропистика Фотія (99—123). 5 гл.—Соборъ 861 года въ храмѣ Апостоловъ (Перво-второй) (123—150). 6 гл.—Апология Фотія (150—173). 7 гл.—Фотій не признанъ и осужденъ въ Римѣ (173—200). 8 гл.—Патріаршая дѣятельность Фотія (200—236). 9 гл.—Фотій и армянская церковь (236—262). Гл. 10.—Внѣшняя миссія при Фотіи (262—287). Гл. 11.—Николай I-й, какъ борець за папство (287—298). Гл. 12.—Переписка Константинополя и Рима въ 865 г. (298—329). Гл. 13.—Гибель Варды и Василия Македонянина (331—344). Гл. 14.—Обращеніе Болгаріи (344—365). Гл. 15.—Переходъ Болгаріи подъ юрисдикцію Рима (365—384). Гл. 16.—Окружное посланіе Фотія (384—405). Гл. 17.—Константинопольскій соборъ 867 г. (405—434). Гл. 18.—Низложеніе Фотія (434—463). Заключеніе (общая характеристика Фотія) (463—469). Въ приложеніи къ своей книгѣ авторъ 1) выясняетъ дату удаленія имп. Феодоры отъ власти (471—472), 2) разсматриваетъ вопросъ объ искаженіи писемъ папы Николая на константинопольскомъ соборѣ 861 г. (472—476) и 3) выясняетъ, кто были тѣ руссы, которые крестились при Фотіи (476—483).

Работа Ѳ. М. Россейкина отличается крупными научными достоинствами, каковымъ достоинствомъ является, прежде всего, полнота использованнаго авторомъ матеріала своей темы. Сочиненія самого Фотія, труды византійскихъ и западныхъ хронистовъ, писавшихъ о Фотіи и его времени, акты соборовъ его эпохи, письма папы Николая I-го и др.—въ рамкахъ поставленной авторомъ задачи изучены имъ почти въ исчерпывающемъ объемѣ. Въ этомъ отношеніи книга Ѳ. М. Россейкина далеко оставляетъ за собою всѣ существующіе въ нашей церковно-исторической литературѣ труды о Фотіи, несмотря на то, что въ числѣ изслѣдованій, посвященныхъ эпохѣ Фотія, имѣются крупныя работы о Г. Яреда, А. П. Лебедева, А. М. Иванцова-Платонова. Кромѣ всѣхъ тѣхъ матеріаловъ, которые были въ той или другой мѣрѣ обслѣдованы раннѣйшими авторами, занимавшимися вопросами о Фотіи и его времени, Ѳ. М. Россейкинъ исполь-

зоваль рядъ такихъ документовъ, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ оставались внѣ научнаго горизонта упомянутыхъ изслѣдователей. Таковы, напр., акты собора 861 г., въ ихъ сокращенной записи, сохранившейся въ каноническомъ сборникѣ (XI в.) кардиналь-пресвитера Деуседита, изданномъ еще въ 1869 г. Martinucci; затѣмъ нѣкоторыя слова и гомилии Фотія (изданныя Аристархи, еп. Порфиріемъ Успенскимъ, А. И. Пападопуло-Керамевсомъ и др.),—равно какъ рядъ новыхъ писемъ Фотія (A. Papadopoulos Kerameus. S. patriarchae Photii, archiep. Constantinopoleos, epistolae XLV. Petropoli. 1896).—паконецъ, нѣкоторыя житія византийскихъ святыхъ, заключающія въ себѣ историческія свѣдѣнія относительно Фотія и его эпохи. Наличие этого новаго матеріала въ книгѣ *Θ. Μ. Россейкина* отводитъ ей видное мѣсто не только въ русской, но и западно-европейской научной литературѣ о Фотіи, въ которой послѣ знаменитаго изслѣдованія Гергенретера, вышедшаго въ свѣтъ въ 60 г. прошлаго вѣка, не появилось ни одной новой работы о Фотіи, которую по полнотѣ обследованнаго матеріала можно было бы поставить на ряду съ книгой нашего автора. Такой же полнотой и обстоятельностью характеризуется и отношеніе *Θ. Μ. Россейкина* къ вспомогательной, какъ русской, такъ и иностранной литературѣ своей темы, при чемъ широкое знакомство автора съ этой литературой сказывается не только въ вопросахъ, непосредственно относящихся къ личности и дѣятельности п. Фотія, но и въ тѣхъ отдѣлахъ книги автора, которые имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ основному предмету изслѣдованія. Церковно-политическая исторія Византіи IX в., въ ея отношеніи къ западно-европейскимъ, славянскимъ и восточнымъ народамъ того времени, византийская исторіографія, хронологія, агіологія и др.: во всѣхъ этихъ научныхъ областяхъ, поскольку *Θ. Μ. Россейкину*, при обзорѣ и біографіи Фотія на широкомъ историческомъ фонѣ, приходилось дѣлать въ нихъ болѣе или менѣе обширныя справки и экскурсы, его книга обнаруживаетъ въ авторѣ не диллетанта-пачетчика, безсистемно пользующагося первымъ попавшимся подъ руку пособіемъ по тому или другому вопросу, а спеціалиста-византолога, стоящаго въ курсѣ научной литературы своего предмета.

Въ связи съ отмѣченными чертами работы *Θ. Μ. Россей-*

кина выступает документальная обоснованность и самостоятельность его изслѣдованій и выводовъ. Его сужденія подкрѣпляются ссылками на данныя первоисточниковъ, почти всюду безукоризненно проанализированныя. Что касается самостоятельности и оригинальности сужденій и выводовъ, въ этомъ отношеніи авторъ по характеру своей темы находился въ далеко-невыгодныхъ условіяхъ. Капитальное изслѣдованіе Гергенретера настолько полно и основательно разработало вопросы о Фотіи и его эпохѣ, что по весьма многимъ пунктамъ этой темы позднѣйшему изслѣдователю представляется почти невозможнымъ внести отъ себя что-либо новое. Правда, изслѣдованіе Гергенретера страдает мѣстами ультрамонтанской тенденціозностью, обнаруживая пристрастное отношеніе автора къ личности и дѣятельности Фотія, не оправдываемое объективнымъ анализомъ источниковъ, такъ что для православнаго біографа Фотія открывается благодарное поле критики тѣхъ или другихъ одностороннихъ взглядовъ и наблюденій католическаго ученаго. Однако и въ этомъ отношеніи положеніе Ѳ. М. Россейкина—не вполне благоприятное, поскольку ему приходится дѣлать такую провѣрку изложенія Гергенретера послѣ того, какъ въ этомъ направленіи, съ большей или меньшей обстоятельностью, работало уже нѣсколько раннѣйшихъ русскихъ ученыхъ. И тѣмъ не менѣе даже поверхностное знакомство съ книгой Ѳ. М. Россейкина не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ самостоятельности его работы. Не говоря о томъ, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось оперировать надъ матеріаломъ, уже обследованнымъ у раннѣйшихъ авторовъ, его изложеніе не является простымъ заимствованіемъ изъ вторыхъ рукъ, но покоится на личномъ знакомствѣ съ соответствующими памятниками,—основательное изученіе авторомъ источниковъ своей темы дало ему возможность во многихъ мѣстахъ внести дополненія и поправки ко взглядамъ раннѣйшихъ изслѣдователей біографіи Фотія,—въ частности сдѣлать рядъ новыхъ критическихъ наблюденій надъ книгой Гергенретера или углубить ранѣе высказывавшіяся такого рода замѣчанія по его адресу (ср. стр. 18, 28, 42, 58, 64, 77—78, 82, 86, 92, 109, 161, 196, 209—220, 285, 300, 304—305, 315, 342, 364, 365, 389, 416 и др.),—равно какъ по нѣкоторымъ вопросамъ предложить свои опыты ихъ рѣшенія. Изъ такихъ гипотезъ автора от-

мѣчу, напр., остроумное объясненіе имъ версіи о подложныхъ подписяхъ подъ актами собора 867 г., виновникомъ какового подлога онъ основательно считаемъ имп. Василія Македонянина (428³ стр.).

Наконецъ, какъ на достоинство сочиненія *Θ. М. Россейкина*, слѣдуетъ указать на тщательность его литературной обработки. Изложенное сжатымъ, выразительнымъ, мѣстами (какъ напр. характеристика *Фотія* на 463—468 стр.) даже художественно-изящнымъ слогомъ, сочиненіе автора, при всей научной серьезности его содержанія, читается легко и съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Недостатки сочиненія *Θ. М. Россейкина*, не затрогивая какихъ-либо существенныхъ сторонъ его книги, состоятъ отчасти въ нѣкоторыхъ матеріальныхъ пробѣлахъ его содержанія, а отчасти въ отдѣльныхъ, неправильныхъ, по нашему мнѣнію, сужденіяхъ автора. Изъ перваго ряда дефектовъ слѣдуетъ отмѣтить недостаточный интересъ автора къ богословско-писательской дѣятельности *Фотія*. Сосредоточивая свое вниманіе по преимуществу на внѣшне-фактической сторонѣ біографіи *Фотія*, посвящая нерѣдко длинные экскурсы для установленія тѣхъ или другихъ хронологическихъ датъ и т. п. (206, 233, 330 стр. и др.), авторъ, характеризуя даже такой крупный памятникъ богословской дѣятельности *Фотія*, какъ его *Окружное посланіе*, знаменующее собою новую эпоху въ исторіи полемики между латинскими и восточными богословами по вопросу о *Filioque*, ограничивается лишь конспективнымъ (правда, исчерпывающимъ основныя мысли памятника) изложеніемъ его (395—397 стр.), не дѣлая попытки къ болѣе обстоятельному его истолкованію. Между тѣмъ, хотя бы общій (въ формѣ подстрочнаго примѣчанія) обзоръ раннѣйшей (до *Фотія*) исторіи вопроса о *Filioque* былъ бы очень умѣстенъ, поскольку опредѣленно выяснилъ бы историко-богословскую позицію *Фотія*, и самъ по себѣ служилъ бы хорошимъ примѣчаніемъ къ упомянутому памятнику. *Гергенретеръ*, какъ извѣстно, посвящаетъ этой исторіи цѣлую главу въ своей книгѣ о *Фотіи* (V. I, 684—711 ss.). Равнымъ образомъ представлялась бы желательной хотя бы общая характеристика и обзоръ „Библиотеки“ *Фотія*, происхожденіе которой относится именно къ обследованному авторомъ періоду его жизни. Авторъ не разъ на страницахъ

своей книги говорить о науках, как „родной стихии Фотія“ (464 стр.), объ его „подавляющей эрудиціи“ (88 стр.), вмѣстѣ съ Крумбахеромъ называетъ его „самой мощной фигурой, какую знаетъ исторія греческой литературы“ (26 стр.): анализъ „Библиотеки“ Фотія являлся бы лучшей иллюстраціей къ этимъ утвержденіямъ автора и вмѣстѣ съ тѣмъ придавалъ бы архитектурно-цѣлостную выполненность въ книгѣ Ѳ. М. Россейкина разностороннему обзору жизнедѣятельности Фотія, являясь дополненіемъ къ его характеристикѣ, какъ пастыря, борца противъ Рима, полемиста, миссіонера и т. д.

Приведу нѣсколько примѣровъ изъ второй, отмѣченной мною, группы недостатковъ сочиненія Ѳ. М. Россейкина. На стр. 289-й авторъ, обрисовавъ воззрѣнія папы Николая I-го по вопросу о характерѣ и объемѣ папской власти въ церкви, утверждаетъ, что эти воззрѣнія Николая „не имѣютъ не только прямыхъ, но и косвенныхъ обоснованій“ въ „подлинномъ смыслѣ всѣхъ тѣхъ источниковъ“, на которые папа указываетъ въ своихъ письмахъ, включая въ число этихъ источниковъ и декреталии его предшественниковъ“, такъ что самъ Николай вынужденъ былъ „прибѣгать въ широкой мѣрѣ къ толкованіямъ, не стѣсняясь искусственность послѣднихъ доводить до крайности“. Такой отзывъ объ отношеніи отмѣченныхъ воззрѣній Николая I-го къ идеологій предшественниковъ нельзя не признать сильно-преувеличеннымъ, поскольку ко всѣмъ тѣмъ пунктамъ папско-канонической системы Николая, которые обозначены самимъ авторомъ на стр. 288-й, можно указать соответствующія параллельныя мѣста изъ папскихъ посланій и до-николаевской эпохи. Что же касается тѣхъ мѣстъ въ посланіяхъ Николая I-го, гдѣ онъ опирается на подложные документы, или нѣкоторымъ подлиннымъ памятникамъ канонической литературы даетъ искусственное толкованіе, то они по существу не привносятъ ничего новаго въ характеризованную систему Николая, такъ что, если бы этихъ сомнительныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстъ и не имѣлось въ сочиненіяхъ Николая, она въ существенныхъ чертахъ не утратила бы своего теперешняго облика. Равнымъ образомъ нельзя безъ оговорокъ согласиться и съ высказаннымъ у автора на 186 страницѣ его книги утверженіемъ, будто „рѣзко выра-

женная (Николаемъ I-мъ въ его письмѣ отъ 18 марта 862 г. къ п. Фотію) идея приматства была для Востока неслыханной новостью“: разсматривая содержаніе цитованнаго письма Николая, мы ничего не находимъ существенно-новаго по сравненію съ тѣмъ, что Востоку приходилось уже не разъ выслушивать отъ папъ раннѣйшаго періода,—Льва Великаго, Гормизды, Григорія Великаго, Адріана I-го и др.—На стр. 317-й авторъ, отмѣчая, что, по воззрѣніямъ Николая I-го, „всякій соборъ, даже вселенскій, можетъ быть созванъ лишь съ одобренія папы“. въ подтвержденіе этой мысли ссылается на Mansi, XV, 686 В. Авторъ имѣетъ въ виду слова папы: *Cujus rei gratia facto concilio generali, quod sine apostolici sedis praesepto nulli fas est vocandi, vocaverunt illum (Rothadam) episcopi etc.* Эту ссылку автора нельзя назвать удачной, поскольку въ цитованныхъ словахъ Николая, взятыхъ изъ его рѣчи на римскомъ соборѣ 864 г. по дѣлу Ротада, епископа Суассонскаго, рѣчь идетъ не о вселенскомъ соборѣ, а провинціальномъ соборѣ галльскихъ епископовъ, и употребленный папою терминъ *generale concilium* нельзя отождествлять съ *universale concilium*.—На страницѣ 324 авторъ усматриваетъ въ письмѣ папы Николая I-го въ 865 г. къ имп. Михаилу „зачаточное ученіе о рѣшеніяхъ (папъ) „*ex cathedra*“. Основаніемъ для такого взгляда автору служатъ слова папы въ цитованномъ письмѣ: *Quando tamen illa Romana videlicet ecclesia discretissima consideratione fieri delegerit, non quando ipsa quae bene sunt diffinita retractare voluerit (Mansi XV, 210 c).* Давая этимъ словамъ папы такой смыслъ, что „опредѣленіе, принятое римской церковью послѣ тщательнаго разсмотрѣнія, уже никогда не отмѣнялось“ (324 стр.), авторъ ставитъ далѣе на видъ, что этотъ взглядъ Николая, будто „папскій приговоръ не подлежитъ пересмотру и отмѣнѣ“ оказался въ противорѣчьи съ дѣятельностью ближайшихъ къ его времени папъ, поскольку „собственные приговоры (Николая) отмѣнялись его преемниками“ (329 стр.). Въ частности, хотя „приговоръ Николая и Адріана II-го надъ Фотіемъ, подтвержденный соборомъ 869 года, былъ принятъ *discretissima consideratione et plena auctoritate*, тѣмъ не менѣе Іоаннъ VIII-й его отмѣнялъ“ (324 стр.). Относительно этихъ разсужденій автора слѣдуетъ замѣтить, во-1-хъ, что католическое ученіе о непогрѣшимости и неизмѣняемости папскихъ опредѣленій *ex cathedra*

вообще не распространяется на судебно-дисциплинарные акты римских епископовъ, а во-2-хъ, цитованныя авторомъ слова Николая I-го не содержатъ въ себѣ мысли о какой либо принципиальной (канонической) невозможности отмѣны постановлений римской каѳедры, сдѣланныхъ ею *discretissima consideratione*, а выражаютъ лишь ту мысль, что у ней самой не окажется желанія перерѣшать свои „хорошо“ постановленные приговоры. Контекстъ цитованнаго авторомъ письма Николая, напротивъ, рѣшительно подчеркиваетъ мысль объ измѣняемости судебно-дисциплинарныхъ постановлений римской каѳедры. *Non negamus ejusdem sedis sententiam posse in melius commutari; cum aut sibi subreptum aliquid fuerit, aut ipsa pro consideratione aetatum vel temporum seu gravium necessitatum dispensatorie quiddam ordinare decreverit* (ib). Николай I-й настаиваетъ лишь на томъ, чтобы „рѣшеніе, однажды вынесенное (*semel prolata*) римской каѳедрой, не подлежало измѣненію безъ ея произволенія (*ipsa non appuente*)“ (ib. 212, BC). Отсюда нѣтъ основаній видѣть противорѣчія принципамъ Николая I у Иоанна VIII-го, если онъ *pro consideratione temporum seu gravium necessitatum* отмѣнилъ приговоръ Николая I-го по отношенію къ Фотію, хотя этотъ приговоръ въ свое время, въ условіяхъ тогдашняго историческаго момента, былъ наилучшимъ рѣшеніемъ.

Какъ серьезный научный трудъ, представляющій собою цѣнный вкладъ въ нашу церковно-историческую науку, сочиненіе Ѳ. М. Россейкина даетъ ему полное право на искомую степень магистра богословія“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій § 172: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквиумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній“.—2) И. д. доцента *О. М. Россейкинъ* окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1905 году со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній. — 3) По § 109, лит. а, п. 15, устава — „распоряженіе о разсмо-

трѣтій диссертаціи на ученія степени и оцѣнка оныхъ (§§ 172 и 173)“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.—4) 70 экземпляровъ напечатанной диссертаціи и. д. доцента *Θ. М. Россейкинымъ* Преосвященному Ректору Академіи представлены.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ и признавая представленное на соисканіе степени магистра богословія (въ печатномъ видѣ) и. д. доцента Академіи *Θ. М. Россейкинымъ* сочиненіе подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ достаточнымъ для сей степени,—допустить г. Россейкина къ защитѣ сочиненія на коллоквиумѣ. — 2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертаціи назначить экстраординарныхъ профессоровъ Академіи *И. В. Попова* и *А. П. Орлова*. — 3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквиума и пригласить къ участию въ послѣднемъ стороннихъ лицъ.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства:
„15 іюня 1915. Согласенъ“.

5 іюня 1915 года.

№ 8.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи *Θеодора*, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ *Иларіонъ*; сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ *М. Д. Муретовъ*; и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ *А. П. Шостынь*; ординарные профессора—*С. С. Глаголевъ*, *М. М. Тарѣвъ*, *С. И. Смирновъ* и *Д. И. Введенскій*; заслуженный экстраординарный профессоръ *П. П. Соколовъ*; экстраординарные профессора—священникъ *Е. А. Воронцовъ*, *Н. Л. Туницкій*, *А. П. Орловъ*, протоіерей *Д. В. Рождественскій*, священникъ *И. В. Гумилевскій* и священникъ *П. А. Флоренскій*.

Отсутствовали: Ординарные профессора—*А. И. Алмазовъ*, *С. И. Соболевскій*, *А. А. Спасскій* и *М. М. Богостовскій*;

экстраординарные профессора—И. В. Поповъ и священникъ В. Н. Страховъ.

Слушали: 1) Представленіе *Преосвященнаго Ректора Академіи:*

„На основаніи § 109, лит. а, п. 5 академическаго устава долгъ имѣю представить въ Совѣтъ Академіи для разсмотрѣнія *отчеты гг. профессоровъ и преподавателей Академіи за истекшій учебный годъ (1914—1915)* о пройденномъ ими по предметамъ преподаваемыхъ ими научныхъ дисциплинъ. Съ своей стороны имѣю честь заявить, что преподаваніе велось согласно принятымъ въ началѣ учебнаго года программамъ и самыя программы въ большинствѣ случаевъ выполнены въ своемъ объемѣ безъ опущеній. Только нѣкоторые изъ г.г. профессоровъ и преподавателей, согласно ихъ отчетамъ, не успѣли выполнить цѣликомъ своихъ программъ и должны были опустить изъ нихъ нѣкоторые отдѣлы. Такъ, проф. *А. П. Шостынкъ* не успѣлъ изложить системъ Гербарта, Фребеля и Гербарта Спенсера; проф. *И. В. Поповъ* не прочиталъ о Св. Кириллѣ Іерусалимскомъ, Василии Великомъ, Григоріи Богословѣ, Григоріи Нисскомъ и Амвросіи Медиоланскомъ; проф. *С. И. Смирновъ* не прочиталъ „намѣченныхъ отдѣловъ монгольскаго періода“; проф. *Н. Л. Туницкій* не прочиталъ о писателяхъ послѣ-Гоголевскаго періода; проф. *А. П. Орловъ* не прочиталъ объ англиканствѣ; *свящ. П. А. Флоренскій* не прочиталъ о начаткахъ античной философіи; доцентъ *Н. В. Лысогоорскій* прочиталъ не весь отдѣлъ объ Единовѣрїи; доцентъ *В. П. Виноградовъ* не прочиталъ послѣднихъ пунктовъ программы: „о папствѣ какъ священнослуженіи“; доцентъ *Н. Д. Протасовъ* не прочиталъ отдѣлъ о владиміро-суздальской архитектурѣ; доцентъ *о. іеромонахъ Варооломей* не прочиталъ о книгахъ пр. Аггея и Малахіи; и. д. доцента *А. М. Туберовскій* не выполнилъ всего намѣченнаго программой; и. д. доцента *о. іеромонахъ Пантелеимонъ* не прочиталъ о блаж. Теодоритѣ; и. д. доцента *І. М. Смирновъ* отдѣла по морфологіи не читалъ; и. д. доцента *А. В. Ремзовъ* не читалъ о сектахъ живущихъ, прыгуновъ, іеговистовъ“.

Опредѣлили: 1) Принять къ свѣдѣнію.—2) Отчеты о преподаваніи внести въ свое время въ „Отчетъ о состояніи Импе-

раторской Московской Духовной Академіи въ 1914—1915 учебномъ году“, представляемый Святейшему Синоду.

2) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всехсвятскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту Академіи табели балловъ по устнымъ и письменнымъ отвѣтамъ, а также и по поведенію, полученныхъ за истекшіи 1914—1915 учебный годъ студентами первыхъ трехъ курсовъ Академіи. — По предложенію Преосвященнаго Ректора, предварительная провѣрка ихъ въ отношеніи точности подсчета и вывода средняго балла произведена была доцентомъ Академіи *іеромонахомъ Варволомеемъ (Ремезовымъ)*“.

По разсмотрѣніи табелей оказалось, что:

1) *Изъ 56 студентовъ I курса*: а) 18 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ и сочиненіямъ не менѣе $4\frac{1}{2}$, 27 — не менѣе 4 и 10 студентовъ — не менѣе $3\frac{1}{2}$. — б) Поведеніе пятидесяти одного студента отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5, четырехъ — балломъ 5 — и одного — балломъ $4\frac{1}{2}$. — в) Студентъ *Мизеровъ Дмитрій*, по болѣзни, не держалъ устныхъ испытаній по основному богословію, греческому языку и нѣмецкому языку и проситъ разрѣшенія сдать означенныя испытанія послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августъ мѣсяцъ сего 1915 года.

2) *Изъ 65 студентовъ II курса*: а) 18 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ и сочиненіямъ не менѣе $4\frac{1}{2}$, 39 — не менѣе 4 и 2 студента — не менѣе $3\frac{1}{2}$. — б) Поведеніе пятидесяти трехъ студентовъ отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5, восьми — балломъ 5 —, двухъ — балломъ $4\frac{1}{2}$ и одного — балломъ 4 (одинъ студентъ, отсутствовавшій въ теченіе всего учебнаго года, — балла по поведенію не имѣетъ). — в) Студентъ *Добролютовъ Михаилъ*, по болѣзни, не держалъ устнаго испытанія по греческому языку; студентъ *Суворовъ Николай*, по той же причинѣ, не представилъ третяго сочиненія по патрологіи (1 каѳ.). Оба просятъ разрѣшенія исполнить эти обязанности послѣ лѣтнихъ каникулъ. — 2) Студенты: іеромонахъ *Трифонъ* (Мохоръ), іеромонахъ *Вассіанъ* (Пятницкій) и священникъ *Іоаннъ Проталинскій*, выбывшіе во второй половинѣ учеб-

наго года на театр военных дѣйствій для исполненія священнослужительскихъ обязанностей при санитарныхъ поѣздахъ и госпиталяхъ и доселѣ въ Академію не возвратившіеся,—не держали *устныхъ* испытаній по *всѣмъ* предметамъ II курса и не представили: іеромонахъ *Трифонъ*—третьего сочиненія по патрологіи (1 каѳ.) и проповѣди: іеромонахъ *Вассіанъ*—всѣхъ письменныхъ работъ; священникъ *Проталинскій*—третьихъ сочиненій по исторіи Греко-восточной церкви и патрологіи (1 каѳ.).—д) Студентъ *Георгій Вязигинъ*, призванный, какъ поручикъ запаса армейской пѣхоты, на дѣйствительную военную службу еще въ іюль 1914 года, въ теченіе всего 1914—1915 учебнаго года въ Академію не являлся.

3) *Изъ 61 студентавъ III курса:* а) 15 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по *всѣмъ* предметамъ и сочиненіямъ не менѣе 4^{1/2}, 27—не менѣе 4 и 12 студентовъ—не менѣе 3^{1/2}.—б) Поведеніе пятидесяти одного студента отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5, девяти—балломъ 5— и одного—балломъ 4^{1/2}.—в) Студентъ *Щуновскій Николай*, по болѣзни, не держалъ устнаго испытанія по пастырскому богословію и не представилъ третнего сочиненія по тому же предмету и проповѣди; студенты *Истоминъ Дмитрій* и *Металловъ Валентинъ*, по той же причинѣ, не представили третнихъ сочиненій по пастырскому богословію.—Всѣ трое просятъ разрѣшенія исполнить эти обязанности послѣ лѣтнихъ капикуль.—2) Студенты: іеромонахъ *Валеріанъ* (Рудичъ), священникъ *Бѣлоружовъ* Александръ, *Авдіевъ* Александръ и болгарскій уроженецъ *Петковъ* Стоянъ, разновременно выбывавшіе на театр военных дѣйствій для исполненія обязанностей священнослужителей и братьевъ милосердія при санитарныхъ поѣздахъ и госпиталяхъ, не имѣли возможности исполнить слѣдующихъ студенческихъ обязанностей: іеромонахъ *Валеріанъ*—сдать устныя испытанія по *всѣмъ* предметамъ III курса и представить *всѣхъ* письменныхъ работъ; священникъ *Бѣлоружовъ*—сдать устныя испытанія по *всѣмъ* предметамъ III курса и представить третнего сочиненія по пастырскому богословію; *Авдіевъ*—представить третнихъ сочиненій по литургикѣ, патрологіи (II каѳ.) и пастырскому богословію; *Петковъ*—сдать устныя испытанія по

патрологіи (II каѳ.), литургикѣ и исторіи и обличенію русскаго сектантства, представить третнихъ сочиненій по литургикѣ и пастырскому богословію и проповѣди.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—

а) § 159: „По окончаніи переходныхъ испытаній составляется списокъ студентовъ каждаго курса по ихъ успѣхамъ и дѣлается постановленіе о переводѣ студентовъ въ слѣдующіе курсы“.

б) § 160: „При составленіи порядковаго списка принимаются во вниманіе не только устные отвѣты студентовъ на экзаменахъ, достоинство третнихъ сочиненій, проповѣдей и поведенія, но и успѣхи въ практическихъ занятіяхъ и на репетиціяхъ, которые отмѣчены балломъ въ годичномъ спискѣ преподавателя“.

в) § 161: „Достоинство устныхъ отвѣтовъ на экзаменахъ и письменныхъ работъ отмѣчается баллами: 5—отлично, 4—хорошо, 3—удовлетворительно, 2—неудовлетворительно, 1—слабо“.

г) § 162: „Студенты, оказавшіе въ теченіе года успѣхи по устнымъ отвѣтамъ на экзаменахъ и по письменнымъ работамъ не ниже удовлетворительныхъ, переводятся на слѣдующіе курсы. Одинъ неудовлетворительный баллъ (2) на устномъ отвѣтѣ или на письменной работѣ не препятствуетъ переходу студента на слѣдующій курсъ, если въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ онъ будетъ имѣть не менѣе 4. При двухъ и болѣе неудовлетворительныхъ и слабыхъ баллахъ (2 и 1) студентъ подлежитъ увольненію изъ Академіи или оставляется, по усмотрѣнію Совѣта, на повторительный курсъ, съ лишеніемъ стипендіи, буде таковая была назначена; оставленіе студента на второй годъ въ томъ же курсѣ допускается только одинъ разъ за все время его пребыванія въ Академіи. *Примѣчаніе.* Удовлетворительнымъ балломъ считается баллъ не ниже 3“.

д) § 163: „Въ случаѣ болѣзни, студентъ можетъ быть оставленъ, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, на второй годъ въ томъ же курсѣ безъ лишенія стипендіи, но тоже только одинъ разъ за все время его пребыванія въ Академіи“.

2) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января 1891 года за № 212 Совѣту Академіи вмѣнено въ обязанность дозво-

лять студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣ-
каникулярное время только въ самыхъ уважительныхъ слу-
чаяхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ
случаѣ разрѣшенія Его Высокопреосвященства.

3) По § 109, лит. а пп. 13—14 академическаго устава „со-
ставленіе списковъ студентовъ послѣ испытаній, переводъ
студентовъ изъ курса въ курсъ и оставленіе на томъ же
курсѣ“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣ-
томъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному
Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоин-
ство устныхъ отвѣтовъ студентовъ I, II и III курсовъ Академіи
на экзаменахъ, успѣхи ихъ въ практическихъ занятіяхъ, до-
стоинство третнихъ сочиненій и проповѣди и поведеніе,—
перевести ихъ въ слѣдующіе курсы въ такомъ порядкѣ:

а) Во II-й курсъ—студентовъ I курса: 1) Никонова Але-
ксандра, Донца Илью, Ареѣева Бориса, Сергѣева Григорія,
5) Расторгуева Андрея, Стефановича Антона, Орлова Сергѣя,
Соколова Николая, Пинкевича Петра, 10) Гражданскаго Сер-
гѣя, свящ. Залевскаго Николая, діак. Базилевскаго Николая,
Забарнаго Петра, Гладкова Василия, 15) Магницкаго Нико-
лая, свящ. Порубина Михаила, Доброва Петра, Трубачева
Зосиму, Введенскаго Николая, 20) Калиновича Александра,
Вижевскаго Дмитрія, Шувалова Павла, Милославскаго Але-
ксандра, Щеглова Виктора, 25) Кораблева Константина, свящ.
Теологова Василия, свящ. Розова Константина, Одинцова
Алексѣя, свящ. Киселева Пимена, 30) Иванова Павла, свящ.
Поликарпова Валентина, Побѣдинскаго Василия, Ильинскаго
Николая, Садикова Николая, 35) свящ. Майорова Констан-
тина, Бѣлтова Николая, свящ. Введенскаго Дмитрія, Ива-
нова Михаила, Уметскаго Александра, 40) Алентова Николая,
Смирнова Василия, Малинкова Ивана, болг. урож., Шами-
лова Филиппа, Смирнова Михаила, 45) свящ. Стрекалова
Николая, іерод. Гавріила (Мапуилова), болг. урож., Копылова
Евгенія, діак. Окунева Петра, свящ. Кораблева Павла, 50)
Вишнякова Павла, Лебедева Виктора, Ивановскаго Николая,
Никитскаго Павла, Розанова Ивана и 55) Воздвиженскаго
Дмитрія.

б) *Въ III-й курсъ*—студентовъ II курса: 1) Соловьева Николая, Лисицкаго Николая, Муравьева Сергѣя, Никольскаго Николая (Пенз.), 5) Ефремова Ивана, Добросердова Павла, Гусева Николая, Виноградова Сергѣя, Миловидова Алексѣя, 10) Кулигина Дмитрія, Скворцова Ивана, Четыркина Петра, Чирскаго Ивана, Андреева Михаила, 15) Мефедова Герасима, Тихонравова Георгія, Забавина Ивана, свящ. Жданова Александра, Разумовскаго Григорія, 20) Волкова Николая, свящ. Никольскаго Евгенія, Ефремова Александра, Кедрова Александра, Авилкина Николая, 25) Воздвиженскаго Николая, іерод. Николая (Карпова), прот. Мухина Іоанна, Санѣгу Онуфрія, Іоакиманскаго Николая, 30) Золотницкаго Аркадія, Недѣльскаго Θεодосія, Никольскаго Николая (Яросл.), Сиротинскаго Алексѣя, Миловидова Виктора, 35) Шуновскаго Ивана, Голубева Леонида, Бѣляева Сергѣя, Калиновскаго Гавріила, Брянцева Алексѣя, 40) свящ. Орлова Василия, Смирнова Александра, діак. Гусева Петра, Рождественскаго Александра, Некрасова Платона, 45) Соколова Михаила, Ломакина Николая, Романовскаго Владиміра, свящ. Макогонскаго Григорія, Крылова Павла, 50) Рождественскаго Николая, Кипарисова Бориса, Бажанова Николая, Глаголева Георгія, Крылова Владиміра, Соболева Михаила, 55) Алмазова Александра, Соколова Василия, Воскресенскаго Михаила и 58) Попова Александра.

в) *Въ IV-й курсъ*—студентовъ III курса: 1) Кобранова Евгенія, Соловьева Дмитрія, Иванова Бориса, Счастлива Петра, 5) Розанова Николая, Мытарева Николая, свящ. Ворончева Александра, іером. Матѣя (Олейника), Виноградова Сергѣя. 10) свящ. Ляде Серафима, Меморскаго Алексѣя, Доброва Владиміра, Щеголькова Михаила, свящ. Дмитріева Василия, 15) Ружицкаго Константина, іером. Павла (Волкова), Никольскаго Виктора, Воронцова Веніамина, свящ. Дубровина Дмитрія, 20) Товстуху Михаила, свящ. Цвѣтаева Николая. Соколова Бориса, Протодіаконова Александра, Андреева Теодора, 25) Орлова Антонія, Соколова Николая, Давидова Теодора, Саффрава Георгія, Кириченко Василия, 30) Шувалова Петра, Постникова Михаила, Руднева Николая, іером. Павлина (Крошечкина), Розова Григорія, 35) Ждапова Леонида, Тихомирова Владиміра, Бриллиантова Петра, свящ. Бѣляева

Николая, Соловьева Ивана, 40) Боголюбскаго Геннадія, Некрасова Михаила, свящ. Рождественна Александра, Батина Павла, Шереметевскаго Алексѣя, 45) Молчанова Николая, Безроднаго Михаила, Верхоустинскаго Дмитрія, Архангельскаго Константина, Васильевскаго Александра, 50) Смирнова Дмитрія, Новосельскаго Владиміра, Иванцкаго Владиміра, свящ. Смирнова Николая и 54) Заболотскаго Павла.

2) Студента II курса Георгія *Вязигина* оставить въ томъ же курсѣ на второй годъ.

3) Студентамъ: III курса—*Авдѣеву* Александру, свящ. *Бялоручкову* Александру, *Истомину* Дмитрію, *Металлову* Валентину, *Петкову* Стояну, *Пицновскому* Николаю и іеромонаху *Валеріану* (Рудичу); II курса—*Доброхотову* Михаилу, іеромонаху *Трифону* (Мохору), свящ. *Проталинскому* Іоанну, іеромонаху *Васіану* (Пятницкому) и *Суворову* Николаю и I курса—*Мизерову* Дмитрію—разрѣшить сдать устный испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1915 года,—о чемъ и представить предварительно на Архипастырское утверженіе Его Высокопреосвященства.

III. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Ветхвѣтскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту Академіи вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ настоящаго IV курса за всѣ четыре года академическаго образованія.—По предложенію Преосвященнаго Ректора, повѣрка вѣдомости въ отношеніи точности подсчета и вывода средняго балла произведена доцентомъ Академіи *іеромонахомъ Варооломеемъ* (Ремовымъ).“

По разсмотрѣніи вѣдомости оказалось, что изъ 53 студентовъ IV курса—

1) 20 студентовъ (изъ выдержавшихъ испытанія по всѣмъ предметамъ академическаго курса и представившихъ курсовыя сочиненія) имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за весь курсъ не менѣе $4\frac{1}{2}$ и 28 студентовъ — не менѣе $3\frac{1}{2}$.—2) Два студента—*Гераскевичъ* Николай и *Цвиневъ* Иванъ не успѣли закончить курсовыхъ сочиненій по болѣзни, удостовѣренной академическимъ врачомъ.—3) Студенты: *Вахаевъ* Михаилъ и *Соколовъ* Александръ,

по той же причинѣ, не держали устныхъ испытаній: первый—по пастырскому, второй—по нравственному богословію (не представилъ также и курсового сочиненія) и просить разрѣшенія исполнить эти обязанности послѣ лѣтнихъ каникулъ. — 4) Студентъ *Бьялевъ* Николай, призванный какъ штабсъ-капитанъ запаса инженерныхъ войскъ, на дѣйствительную военную службу еще въ іюлѣ 1914 года, въ теченіе всего 1914—1915 учебнаго года въ Академію не являлся.— 5) Поведеніе сорока семи студентовъ IV курса за 1914—1915 учебный годъ отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5 и пяти студентовъ—балломъ 5— (одинъ студентъ балла по поведенію не имѣетъ).—

б) Отзвы г.г. профессоровъ и преподавателей Академіи о курсовыхъ сочиненіяхъ 49-ти студентовъ IV (LXX) курса.

1) О сочиненіи студента *Алферова Петра* на тему: „Евангельское ученіе о бракѣ (въ связи съ современными сужденіями о немъ).“

а) Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*:

„Въ своемъ сочиненіи (стр. IX+264=около 150 печатныхъ) студентъ *Петръ Алферовъ* задается цѣлю: выяснить евангельское ученіе о бракѣ путемъ истолкованія относящихся къ темѣ мѣстъ евангелія и путемъ сравненія этого ученія съ взаимно противоположными воззрѣніями на бракъ *Л. Н. Толстого* и *В. В. Розанова*.

Въ евангеліи о бракѣ говорится очень не много. Христосъ говорилъ о бракѣ лишь въ отвѣтъ на вопросъ: „можно ли разводиться съ женой?“ Естественно, поэтому, что г. *Алферовъ* обращается и къ посланіямъ апостольскимъ и при томъ не съ тою лишь цѣлю, чтобы разъяснить евангельское ученіе. Относящіяся къ дѣлу евангельскіе тексты авторъ истолковываетъ хорошо: онъ выясняетъ терминологію, приводитъ множество древне-церковныхъ и свято-отеческихъ толкованій. Особенно подробно говоритъ авторъ о разводѣ, при чемъ разбираетъ католическіе взгляды на этотъ предметъ, съ которыми онъ познакомился по книгѣ *Ott'a—Die Auslegung der neutestamentlichen Texte über die Ehescheidung. Münster i. W. 1911.* Для читателя сочиненія совершенно ясно, что авторъ и ра-

боталь и думаль надъ своей работой не мало. Однако нельзя сказать, что вопросъ свой онъ продумаль до конца. Въ первой главѣ сочиненія Алферова есть нѣкоторое противорѣчiе. На стр. 42 авторъ такъ говоритъ о бракѣ: „бракъ, по идеѣ своей, нерасторжимъ и долженъ быть только однимъ въ жизни каждаго человѣка“. Но, заканчивая свою полемику съ католиками, авторъ пишетъ: „Самъ Господь Іисусъ Христосъ, указавъ совершенный образецъ (?) истиннаго брака, по Своему милосердію, снисходя къ немощи человѣческой, указаль единственную причину развода, супружескую невѣрность жены“. Итакъ, что-же? Расторжимъ бракъ или нерасторжимъ? Училъ ли Христосъ о бракѣ въ его идеальной моральной сущности или онъ только поправляль ветхозавѣтный законъ заповѣдей? Авторъ какъ бы колеблется между этими двумя существенно различными точками зрѣнія на дѣло Христово. Авторъ какъ-бы забываетъ, что о бракѣ и разводѣ Христосъ говоритъ въ нагорной бесѣдѣ, гдѣ ветхозавѣтной правдѣ книжниковъ и фарисеевъ Онъ противопоставляеть Свои новозавѣтные идеалы. Въ той же первой главѣ сочиненія у автора разсѣяно не мало и весьма дѣльныхъ и правильныхъ мыслей, но, къ сожалѣнію, эти мысли перемѣшаны съ иными, уже законническаго характера. Авторъ отдалъ дань „принятымъ“ и распространеннымъ толкованіямъ тѣхъ людей, которые и въ евангеліи склонны находить юридическій кодексъ, правило на правило и заповѣдь на заповѣдь.

Въ той же первой главѣ сочиненія Алферова можно отмѣтить и еще одинъ недостатокъ. Авторъ какъ-бы привязанъ къ опредѣленнымъ новозавѣтнымъ текстамъ и вопроса о бракѣ не разсматриваетъ въ связи съ болѣе общими идеями Новаго Завѣта. Даже изъ пятой главы евангелія по Матѳею онъ какъ-бы вырываетъ 31 и 32 стихи, мало обращая вниманія на основныя идеи нагорной бесѣды Христа. Авторскаго вниманія не привлекаеть и тотъ фактъ, что Самъ Господь Іисусъ Христосъ родился не отъ брака. А между тѣмъ авторъ не стѣсняется даже сознательно дѣлать отступленія отъ темы, напр., на стр. 21 и слѣд. для того, чтобы „нарисовать ту картину брачной жизни, которая создается на основѣ евангельскаго идеала“. „Правда, признается въ данномъ случаѣ авторъ, прямыхъ указаній на это въ Еван-

геліи нѣтъ и наша задача будетъ какъ-бы нѣкоторымъ отступленіемъ отъ темы“.

Во второй главѣ (стр. 115—177) г. Алферовъ излагаетъ и разбираетъ сужденіе о бракѣ Л. Н. Толстого, а въ третьей (стр. 178—263) излагаетъ и разбираетъ сужденіе о бракѣ Розанова. Въ этихъ главахъ особенно хорошо авторъ излагаетъ взглядъ интересующихъ его писателей: его изложеніе кратко, послѣдовательно и выразительно. Слабѣ критическія замѣчанія, гдѣ разбираются преимущественно ссылки Толстого и Розанова на отдѣльные евангельскіе тексты. Въ сочиненіи г. Алферова представлены три взгляда на бракъ: евангельскій, толстовскій и розановскій, но сравненія этихъ взглядовъ между собою не дано; читатель самъ долженъ догадываться о преимуществахъ взгляда евангельскаго; авторъ только отсылаетъ къ сказанному въ первой главѣ. Кромѣ того, въ двухъ послѣднихъ главахъ встрѣчаются и уклоненія въ сторону. На стр. 115—124 авторъ кратко излагаетъ религіозно-нравственную философію Толстого. На стр. 179—194 видимъ цѣлый отдѣлъ: „Сужденіе В. В. Розанова о полѣ“. На стр. 207 слл. характеризуется „христіанская концепція“ Розанова. Отвлекаясь отъ темы, авторъ начинаетъ писать о Толстомъ и Розановѣ вообще, безъ отношенія къ евангельскому ученію о бракѣ.

Есть въ сочиненіи г. Алферова и мелкія ошибки.

Онъ занимается вопросами и текстологическаго характера, обнаруживая достаточно умѣнья разбираться въ критическомъ аппаратѣ 8-го изданія Тишендорфа, но разобраться самостоятельно въ авторитетности того или другого чтенія опъ, повидимому, не можетъ: сдѣлавъ подробную текстологическую справку къ Мѣ. 19, 9, г. Алферовъ пишетъ вдругъ такое заключеніе: „Первое чтеніе „*μη ἐπι πορευεῖς*“ нужно признать за болѣе достовѣрное, согласно съ научнымъ авторитетомъ проф. Н. Глубоковскаго“ (стр. 49). Въ справкѣ къ Мѣ. 5, 32 авторъ не понялъ у Тишендорфа ссылки на Василія Великаго: „Bas. 3, 297 allud“, т. е. alludit—опъ передаетъ: „Василій 3, 297 не серьезно“ (?). Въ подстрочникѣ Тишендорфова изданія авторъ не пошмаетъ словъ spectat и spectant, которыя онъ переводитъ --„разсматриваетъ“ (стр. 71) и даже „разсматриваются“ (стр. 70).

На стр. 2 и 15—16 представляется, будто авторомъ ком-

ментарія на евангеліе по Матѣею въ 8-мъ томѣ „Толковой Библии“ былъ † проф. А. П. Лопухинъ, а на стр. 74—75 авторомъ комментарія на ев. Марка въ *Kommentar zum Neuen Testament, herausgegeben von prof. Th. Zahn*, называется самъ Theodor Zahn.

На стр. 14 въ Іо. 14, 15 г. Алфѣровъ вычитываетъ заповѣдь о цѣломудріи.

На стр. 34—35 смѣшиваются понятія моногаміи и единобрачія.

На стр. 40—41 авторъ приводитъ въ доказательство нерасторжимости брака слова Аѳинагора, но не замѣчаетъ, что Аѳинагоръ въ данномъ случаѣ говоритъ нѣчто большее, такъ какъ онъ называетъ прикровеннымъ прелюбодѣемъ и того, кто отступаетъ отъ первой жены, *хотя-бы она и умерла*.

Приведа (па стр. 45) Мѣ. 5, 48: Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный, — авторъ восклицаетъ: „Вотъ путь къ достиженію спасенія!“ Гдѣ же въ этихъ словахъ *путь-то?*

Слова ап. Павла (1 Кор. 6, 18) почему-то выдаются за слова св. Кипріана Карѳагенскаго (стр. 56).

Напрасно думаетъ авторъ, что у св. Кипріана въ *epist. 62, 4 (Ph. 4, col. 370)* говорится о нецѣломудренномъ *настроеніи* (стр. 59—60); авторъ не утверждалъ бы этого, если бы внимательнѣе прочиталъ все письмо св. отца къ Полигонію о дѣвственницахъ и замѣтилъ тѣ мѣропріятія, какія св. отецъ совѣтуетъ примѣнить къ дѣвственницамъ (По строгомъ освидѣтельствованіи дѣвв... Едва-ли это можно примѣнить къ настроенію!).

На стр. 236 въ качествѣ авторитета приводятся слова фари́сеевъ (Іо. 9, 31).

На стр. 157 читаемъ: „Л. Н. Толстой, если мы не ошибаемся, всецѣло присоединяется къ пониманію *πορνεία* im inklusiven Sinne“. Несомнѣнно, авторъ ошибается: между толкованіемъ *παρεκτός λόγος πορνείας* во включительномъ смыслѣ католическими авторами (напр. А. Отт'омъ) и толстовскимъ толкованіемъ этихъ словъ общаго нѣтъ ровно ничего.

Встрѣчаются, наконецъ, въ сочиненіи и неправильныя выраженія. „Въ связи съ терминологіей слова *σάρξ*“ (стр. 7). „Тертуллианъ объясняетъ второй бракъ, какъ дѣйствіемъ противъ воли Божіей“ (стр. 35). „Устаповить ихъ различте-

ніе“ (стр. 47). „Предложеніе, выраженное Христомъ за общеупотребительное“ (стр. 107). „Воззрѣніе Розанова о бракѣ“ (стр. 206). Сочиненіе г. Алферова начинается такими словами: „Вопросъ о бракѣ занимаетъ безспорно одно изъ самыхъ крупныхъ мѣстъ въ ряду культурныхъ учреждений“.

Но всѣ эти выраженія являются лишь рѣдкими исключеніями; вообще-же сочиненіе написано языкомъ совершенно литературнымъ, написано просто и живо, читается легко и съ интересомъ. Видно, что авторъ занимался разработкой своего вопроса съ увлеченіемъ и неослабѣвающимъ интересомъ. Сочиненіе г. Алферова не наполнено сырымъ матеріаломъ; весь матеріалъ прошелъ черезъ авторскую личность и обработанъ самостоятельно. Даже тогда, когда авторъ говорить чужими словами, онъ беретъ лучшее и наиболѣе выразительное. Сочиненіе г. Алферова, какъ выше указано, не безъ недостатковъ; недостатки есть и существенные. Но достоинства сочиненія могутъ примирить рецензента и съ недостатками.

Степени кандидата богословія студентъ Петръ Алферовъ достоинъ“.

б) Доцента *Н. Д. Протасова*:

„Сочиненіе весьма удовлетворительное.

Въ качествѣ недостатковъ, нужно указать автору слѣдующее.

1) Указатель источниковъ и пособій необходимо составлять болѣе тщательно, точно помѣчая годъ, мѣсто изданія и пр.

2) Въ сочиненіи на степень кандидата богословія недопустимы выраженія: „.....удачнѣе другихъ св. Отцовъ представилъ..... блаж. Августинъ“ (стр. 13); „.....школа, гдѣ должны воспитываться нравственно-религіозные идеалы“ (стр. 22); „св. Отцы... санкціонировали ихъ (разводы) своей властью“ (стр. 42) и под.

3) Не вездѣ мысль автора одинаково ясна и отчетлива. Напр., на стр. 34—36 трудно догадаться, о чемъ говоритъ авторъ: о моногамичности, т. е. о неимѣннн однимъ изъ супруговъ, кромѣ законнаго супруга, еще втораго супруга, или о второбрачій?

4) Авторъ, повидимому, незнакомъ съ филологической тер-

минологіей экзегетики. Такъ, напр., на стр. 47 онъ намѣренъ „установить.... различіе“ стиховъ; какъ видно изъ содержанія слѣдующей страницы, подъ установкой различіи онъ разумѣлъ простую выписку изъ Тишендорфа.

5) Встрѣчаются очень темныя выраженія. Такъ, на стр. 51 читаемъ: „при этомъ въ условныхъ и финальныхъ сентенціяхъ подобное *μῆ* уничтожаетъ и условіе и возможный изъ него выводъ“.

Болѣе серьезными недостатками слѣдуетъ назвать слѣдующіе.

А) Почти всѣ сужденія автора о природѣ брака и брачныхъ отношеній слишкомъ общи и поверхностны. Онъ совершенно игнорируетъ данныя опытной психологіи на этотъ счетъ, которыя придали-бы его разсужденіямъ большую устойчивость и опредѣленность. Особенно это нужно сказать о стр. 12—20. Авторъ говоритъ о страстномъ пожеланіи чужой женщины, какъ о грѣховномъ. Является вопросъ: почему такъ? Авторъ молчитъ, потому-что не выяснилъ психологической природы „страстнаго пожеланія“ вообще и въ примѣненіи къ данному случаю. При этомъ выясненіи была-бы очевидна разница между такимъ пожеланіемъ чужой женщины и пожеланіемъ жены, каковой агентъ необходимъ въ брачныхъ отношеніяхъ.

Б) Не смотря на все, повидимому, стараніе, автору не удалось установить точнаго смысла и разницы по существу между понятіями *πορνεία* и *μοιχεία*. Продуктивнѣе для дѣла было бы обратиться къ непосредственному анализу текста въ соответствующихъ мѣстахъ, не прибѣгая къ чужимъ мнѣніямъ, хотя-бы и видныхъ богослововъ (стр. 55—81).

Вообще нужно сказать, въ собственномъ смыслѣ экзегеса относящихся къ темѣ мѣстъ изъ св. Писанія авторъ не даетъ. Отсюда, эта сторона сочиненія проигрываетъ въ оригинальности.

В) Критика авторомъ розановскаго бреда о существѣ брака мало убѣдительна: авторъ говоритъ съ Розановымъ языкомъ, котораго тотъ не понимаетъ. Вся критика автора, въ существѣ, сводится къ факту искаженія и намѣреннаго непониманія Розановымъ евангельскихъ принциповъ; этого мало. Нужно было взглянуть на „проблему“ этого газетнаго мыслителя съ психо-физиологической стороны, и напрасно г. Ал-

феровъ отказался отъ анализа розановской концепціи о полѣ (стр. 232): здѣсь, именно, наиболѣе уязвимое мѣсто всѣхъ измысленій Розанова, откуда онъ, повидимому, чисто логически пришелъ къ необходимости затемнить ясныя нормы евангельскаго ученія.

Больше въ анализируемомъ сочиненіи г. Алферова положительныхъ качествъ.

а) Авторъ далъ достаточно подробное изложеніе ученія Евангелія о бракѣ, уяснивъ также слово Спасителя о разводѣ.

б) Вездѣ авторъ въ этомъ отдѣлѣ стоитъ на свято-отеческой точкѣ зрѣнія, которую онъ излагаетъ вездѣ по подлинникамъ.

в) Умѣло составлена критика толстовскаго воззрѣнія на бракъ.

г) Авторъ пользовался новѣйшими критическими и экзегетическими изданіями Тишендорфа, Цана, Кнабенбауера, Кремера.

д) Русская литература указана достаточно полно.

е) Сочиненіе читается легко: авторъ позаботился о литературной формѣ.

За свое сочиненіе г. Алферовъ заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

2) О сочиненіи студента *Арбскова Евгенія* на тему: „Патерики, какъ источники произведеній древне-русскаго народнаго творчества и изящной литературы“.

а) И. д. доцента *священника Г. М. Смирнова*:

„Однимъ изъ главныхъ средствъ распространенія христіанскихъ понятій въ древней Руси считается богатая Византійская литература. Будучи весьма разнообразна по своему составу, она особенно пришлась по вкусу русскому народу отдѣломъ агиографической письменности, повѣствовательный характеръ несложныхъ „сказаній“ которой являлся вполне доступнымъ для усвоенія даже съ невысокимъ по развитію интеллектомъ читателя. Особенно любимой и наиболѣе распространенной формой подобной благочестиво-назидательной литературы служили „Патерики“. Появившіеся (въ переводѣ) въ наиранинѣйшую эпоху примѣненія древне-славянскаго

языка въ качествѣ литературнаго, Патерики оставляють слѣды своего вліянія уже въ самыхъ молодыхъ самостоятельныхъ русскихъ трудахъ аналогичнаго содержанія. Среди немногихъ уцѣлѣвшихъ манускриптовъ XI—XII вв.—этихъ живыхъ свидѣтелей русскаго просвѣщенія древнѣйшаго періода,—мы имѣемъ и Патерикъ. Какъ составная часть, Патеричные рассказы весьма рано (болѣе, чѣмъ вѣроятно—къ половинѣ XII вѣка) заносятся, въ качествѣ назидательнаго элемента, въ Прологъ, книгу исключительную по своему необыкновенному распространенію въ нашей древней письменности. Наконецъ, содержаніе Патерика служило самымъ необходимымъ матеріаломъ при составленіи безчисленныхъ литературныхъ славяно-русскихъ Сборниковъ вплоть до XVIII вѣка.—Распространеніе Патериковъ въ томъ или иномъ видѣ у русскаго народа въ качествѣ излюбленнаго предмета для назидательнаго чтенія—внѣ всякаго сомнѣнія. Правда, съ тѣхъ поръ, какъ начиная съ XVIII вѣка Русь стала въ непосредственныя отношенія къ западно-европейской культурѣ, идеи византизма блѣднѣють въ сознаніи передовой части русскаго общества, уступая мѣсто инымъ вѣяніямъ. Но зато въ этихъ же слояхъ Патерикъ приобретаетъ (въ концѣ XIX вѣка) новое значеніе:—Имъ пользуются въ качествѣ богатаго источника разнообразныхъ сюжетовъ, особенно въ виду появившагося у нѣкоторыхъ писателей моралистическаго направленія въ изящной литературѣ.

Г. Арбекову надлежало, привлекиши въ качествѣ матеріала изслѣдованія произведенія самобытной древне-русской словесности (которая въ длинномъ процессѣ своего образованія находилась въ той или другой степени зависимости отъ христіанскихъ идей) и произведенія изящной литературы надлежало конкретнѣе выяснить, съ одной стороны, дѣйствительные размѣры этого вліянія, а съ другой—тѣ формы, въ которыхъ были использованы эти сюжеты фантазіей непосредственнаго народнаго творчества и замысломъ писательскаго приспособленія.

Задача, какъ видимъ, по своимъ размѣрамъ достаточно обширная, и въ то же время — своеобразная. — Приступая къ ея выполненію, авторъ долженъ былъ подготовить себя къ той мысли, что цѣнность добытыхъ здѣсь результатовъ не будетъ опираться исключительно на массу или обиліе

добытаго матеріала *положительнаго* свойства, но разсматриваться и какъ итогъ *просвѣрочнаго* процесса. Отрицательнаго содержанія результаты въ подобномъ случаѣ не обезцѣниваютъ работу, но единственно лишь отражаются на внѣшнемъ ея видѣ, сокращая ея размѣры.

Свое сочиненіе г. Арбековъ подѣлилъ на двѣ части: въ первой (стр. 8—66) онъ разбираетъ произведенія народнаго творчества; во второй (стр. 67—177) касается патериковъ, какъ источниковъ художественной литературы, предваряя все краткимъ обзорѣніемъ предмета работы (стр. 1—8).

Предполагаемую темой задачу работы авторъ ясно созналъ и вполне удовлетворительно выполнилъ. Оригинальный (=патеричный) сюжетъ у него сопоставляется съ использованнымъ въ томъ или иномъ произведеніи, отмѣчается разница и дѣлается объясненіе послѣдней. Отсутствие пособій въ данномъ случаѣ заставило автора обратиться непосредственно къ источникамъ. Такой оборотъ дѣла, конечно, осложнилъ занятія, доставивъ много лишнихъ усилій и заставивъ потратить лишнее время, но за то онъ придалъ особую устойчивость итогамъ сдѣланныхъ наблюденій, особое достоинство работѣ. Правда, въ упрекъ автору можно поставить во 1-хъ то, что онъ сократилъ количество подлежащихъ анализу отдѣловъ произведеній народнаго творчества, оставивъ въ сторонѣ пѣсни историческія и бытовыя (малорус. и бѣлорусск. сборники вообще не принимались во вниманіе), пословицы (сказки и легенды затронуты довольно скупо); а во 2-хъ примѣнилъ (въ первой части) не совсѣмъ удачный методъ изслѣдованія. Именно, вмѣсто того, чтобы разбирать и подводить итоги послѣдовательно каждый отдѣлъ народной словесности (что, конечно, сообщило бы вполне наглядный характеръ добытымъ заключеніямъ), г. Арбековъ ведетъ анализъ *по-сюжетно*, т. е. говоритъ, т. е. разбираетъ сюжетъ въ связи его общаго употребленія. Впрочемъ, указанные недочеты не вредятъ общему вполне благоприятному впечатлѣнію. То, что успѣлъ разсмотрѣть авторъ, то онъ выполнилъ основательно: его сужденія продуманы, характеристика глубокая и мѣткая; языкъ обработанный, мѣстами образный, хотя иногда можно наблюдать стремленіе выражаться очень большими и не совсѣмъ удачными періодами (напр. стр. 8. 153. 157. 163. 165. 166); есть и орфографическія ошибки (см. напр. стр.

78. 79. 92. 146. 148. 150. 157 и мн. др.). Степени кандидата богословія заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора протоіеря *Д. В. Рождественскаго*.

„За немѣніемъ спеціальной подготовки въ той области, къ которой принадлежит рецензируемое сочиненіе, я оставлю въ сторонѣ рѣшеніе вопроса о томъ, насколько удалось г. Арбекову „восполнить недостатокъ“, состоящій въ отсутствіи „изслѣдованія, которое спеціально было бы посвящено конкретному выясненію вліянія патериковъ на нашу народную словесность и изящную литературу“ (стр. II, см. также и стр. III). Я коснусь нѣкоторыхъ частныхъ.

Авторъ по мѣстамъ увлекается и впадаетъ въ крайность, отмѣчая черты такъ называемаго имъ спеціально „лѣсковскаго“ христіанства. Онъ называетъ „лѣсковскими“ и такіе взгляды, которые не можетъ не раздѣлять всякій христіанинъ. Вотъ примѣръ (стр. 143—144): „какъ и „Прекрасная Аза“. Мелита проповѣдуетъ любовь универсальную, не различающую ни націи, ни религіи, ни социальнаго положенія человѣка. Мелита вооружается противъ рабства, освобождаетъ изъ неволи свою рабыню Марему, Мелита не выноситъ клятвы и обѣтовъ, убѣждая свою служанку никогда не прибѣгать къ этой формѣ увѣренія. Все это—черты своеобразнаго „лѣсковскаго“ христіанства, весьма близкаго къ „толстовскому“. Большую часть приведенныхъ выраженій необходимо распространить и развить въ опредѣленномъ направленіи для того, чтобы получилось „лѣсковское“ христіанство или толстовство. Нѣчто подобное встрѣчаемъ на стр. 71—72.— Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ автору не мѣшало бы указать первоначальный источникъ для произведеній древне-русскаго народнаго творчества и изящной литературы далѣе патериковъ—въ священныя книги Ветхаго и Новаго Заваѣта (см. напр. стр. 41—42, 44—46, 49—51, 55—56, 116), какъ это онъ сдѣлалъ на стр. 60.—Желательно было бы видѣть въ сочиненіи попутныя указанія и на произведенія другихъ русскихъ писателей (кромѣ Лѣскова и Толстого), имѣющія своимъ первоисточникомъ агіографическія сказанія. Рецензентъ встрѣтилъ только одинъ подобный примѣръ. На стр. 31 замѣчено, что „въ сказаніяхъ патерика имѣеть... свой перво-

источникъ и Гоголевская „Ночь предъ Рождествомъ“ въ той картинѣ, которая изображаетъ, какъ кузнецъ Вакула посредствомъ крестнаго знаменія заставляеть чорта свозить его въ Питеръ“... Но на стр. 37—38 не встрѣчаемъ упоминанія о столь извѣстной Некрасовской повѣсти „о двухъ великихъ грѣшникахъ“.

По мѣстамъ изложеніе растянутае. Кроме того, въ сочиненіи, которое имѣеть своимъ предметомъ не только древнерусское народное творчество, но и изящную литературу, желательнаго было бы встрѣтить и болѣе изящный стиль.

Указанные недочеты не обезцѣнивають работу г. Арбекова настолько, чтобы ее нельзя было признать очень хорошею кандидатскою работою. Ею онъ вполне заслужилъ искомую имъ степень кандидата богословія“.

3) О сочиненіи студента священника *Иоанна Архангельскаго* на тему: „Миссія противъ раскола въ XIX в.“.

а) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

„Избранная авторомъ тема требовала труда самостоятельнаго. О. Архангельскій не имѣлъ предшественниковъ. Понятно, безъ обширной подготовительной разработки мѣстныхъ архивныхъ свѣдѣній невозможно надлежащимъ образомъ обзрѣть миссію, совершавшуюся по епархіямъ. Но въ доступныхъ автору рамкахъ имъ сдѣлано многое. Авторъ достаточно хорошо ознакомился съ своимъ печатнымъ матеріаломъ, разбросаннымъ по многочисленнымъ епархіальнымъ вѣдомостямъ, разнымъ миссіонерскимъ изданіямъ, отчетамъ и т. д. „Кропотливо“ собранный матеріалъ авторъ и изложилъ удовлетворительно. Какъ сочиненіе на степень кандидата богословія, работа о. Архангельскаго должна быть признана очень хорошею“.

б) Экстраординарнаго профессора *протоіеря Д. В. Рождественскаго*:

„Авторомъ изученъ обширный и разбросанный матеріалъ. Помимо значительнаго числа специальныхъ пособій, имъ просмотрѣно огромное количество журнальныхъ статей, отчетовъ, уставовъ, миссіонерскихъ календарей и пр. При другихъ приѣмахъ работы, получилось бы сочиненіе внушительныхъ размѣровъ. Но о. Архангельскій тщательно обработалъ

изученный матеріалъ, привелъ его въ стройную систему и сжато изложилъ сущность того, что имъ было изучено. Въ результатъ получилось сочиненіе очень скромнаго объема (не болѣе 100 печатныхъ страницъ), но высокаго качества.

Сочиненіе въ высшей степени содержательно и интересно. Таковы, напр., сообщенія и замѣчанія: о разнообразіи въ постановкѣ миссій (по епархіямъ), о синодальныхъ правилахъ и мѣстныхъ для каждой епархіи распоряженіяхъ (стр. 64 и 67); о братствахъ и комитетахъ (стр. 67), о контролѣ надъ миссіонерами (стр. 67—68), о миссіонерскихъ отдѣленіяхъ въ духовныхъ семинаріяхъ (стр. 111), о совмѣстномъ обученіи дѣтей раскольниковъ съ православными въ церковно-приходскихъ школахъ (стр. 138), о раскольническихъ братствахъ (стр. 139), о нисшихъ миссіонерскихъ школахъ (стр. 158), о примѣрныхъ диспутахъ (стр. 158, 160, 161), о мученичествѣ за вѣру (стр. 195) и пр. Въ сочиненіи ярко очерчена свѣтлая личность преосвящ. Аркадія Олопецкаго, какъ борца противъ раскола (стр. 29—35, 94, 108); интересны указанія на миссіонерскую дѣятельность преосвящ. Игнатія Воропежскаго (стр. 96) и преосвященнаго Рязанскаго Симона Лагова (стр. 146—147). Но авторъ рецензируемаго сочиненія не только приводитъ въ систему изученный имъ матеріалъ; онъ критически освѣщаетъ его; онъ опровергаетъ распространенные и прочно установившіеся, но неправильные взгляды (см. стр. 120, 127—128, 129, 138, 141, 149, 164 и др.). По мѣстамъ онъ дѣлаетъ ссылки на собственныя наблюденія (стр. 90, 143—144).

Авторъ выработалъ опредѣленные взгляды на расколъ и противораскольническую миссію и достаточно твердо обосновалъ ихъ. Таковы слѣдующія положенія: 1) миссія религіозно-просвѣтительная не нуждается въ мѣропріятіяхъ характера административно-гражданскаго (стр. VI, 24, 193, 202, 205 и др.); 2) „успѣхъ специальной миссії можетъ покоиться только на прочномъ фундаментѣ хорошо поставленной миссії приходской“ (стр. 98, 129, 131); 3) публичнымъ бесѣдамъ съ раскольниками слѣдуетъ предпочитать частныя (стр. 81—84, 123—124, 129 и др.); 4) взглядъ на невѣжество, какъ главную причину раскола, долженъ быть оставленъ (стр. 84, 91—92, 94 и др.).

Что касается изложенія, то по мѣстамъ замѣчается изли-

шекъ статистическаго и отчетнаго матеріала; фактовъ и цифръ указывается иногда больше, чѣмъ это вызывалось существомъ дѣла (стр. 175, 179, 196—200). Сочиненіе написано вообще хорошимъ литературнымъ языкомъ. Какъ на погрѣшности противъ стиля, можно указать на слѣдующія выраженія: „братства по своей территоріальности были: епархіальныя, уѣздныя и даже приходскія“ (стр. 39); „функции дѣятельности“ (оглавл. и стр. 63), „миссія не получила сколько-нибудь рельефной организаціи“ (стр. 99); на стр. 115 вм. „сосѣдній“ употреблено „сосѣдскій“. Вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе слѣдующая фраза на стр. 21: „что Головинъ былъ правъ въ своемъ представленіи, видно изъ того, что Св. Синодъ вполне съ нимъ согласился“. На стр. 113 встрѣчаемъ странное указаніе на Толковый Апостолъ, печатанный *въ Почаевѣ*. Есть кое-гдѣ описки. Наконецъ, раздѣленіе сочиненія на параграфы слѣдуетъ признать неудобнымъ.

Въ заключеніе, нахожу нужнымъ присовокупить нѣсколько замѣчаній о тѣхъ мѣстахъ диссертациі, которыя вызываютъ недоумѣнія. Въ § 4 гл. I (стр. 17—37) взяты для обзора миссіи Саратовская, Пермская и Олопецкая: слѣдовало пояснить, почему выборъ автора палъ только на эти миссіи. На стр. 19 читаемъ: „нужно отмѣтить тотъ недостатокъ въ миссіонерской постановкѣ дѣла, что священники-миссіонеры не были освобождены отъ своихъ приходскихъ и иныхъ обязанностей“. Отсюда можно дѣлать такой выводъ, что авторъ не считаетъ миссіонерство связаннымъ съ пастырствомъ органически. Но вѣдь онъ самъ придаетъ особенно важное значеніе именно „хорошо поставленной миссіи приходской“ (стр. 98). Конечно, весьма желательно освобожденіе пастырей-миссіонеровъ отъ всякихъ *иныхъ* обязанностей; но миссіонеръ, совершенно свободный отъ обязанностей приходскаго пастыря, естественно, превращается въ чиновника. Въ концѣ сочиненія, о. Архангельскій, „чтобы прояснить вопросъ о значеніи гражданскихъ мѣръ“ въ дѣлѣ борьбы съ расколомъ, рѣшилъ „прибѣгнуть къ объективному голосу цифръ и посмотрѣть, нужно ли для миссіи административное воздѣйствіе на расколъ“... (стр. 196). Но на стр. 202 самъ же подрываетъ довѣріе къ показанію цифръ ссылкой на замѣчаніе проф. Субботина. Кромѣ того, здѣсь же не приняты

во вниманіе прирость населенія, который за 60 лѣтъ (1839—1900 г.г.) долженъ быть очень значительнымъ. На стр. 79 авторъ приводитъ отрывокъ изъ письма старообрядцевъ (по „Братскому Слову“): сомнительно, чтобы такъ писали именно старообрядцы, и лучше было бы передать содержание письма своими словами.

Сочиненіе автора, по всей справедливости, слѣдуетъ отнести къ числу лучшихъ кандидатскихъ работъ. Этому сочиненію немногаго недостаетъ для того, чтобы, по напечатаніи, привлечь заслуженное вниманіе миссіонеровъ и священниковъ зараженныхъ расколомъ приходоѡ.

4) О сочиненіи студента *Архиппова Петра* на тему: „Религіозно-бытовая характеристика секты „Новый Израиль“ въ связи съ ея историческими корнями, внѣшними условіями ея возникновенія и развитія и параллельными ей явленіями въ современномъ русскомъ сектантствѣ“.

а) И. д. доцента *А. В. Ремезова*:

„Хлыстовство послѣдняго 25-лѣтія представляетъ собой чрезвычайно любопытную картину яркаго обнаруженія социально-культурныхъ чаяній въ средѣ, которую до сихъ поръ принято было разсматривать, какъ насыщенную лишь удушливой для всего „мірскаго“ атмосферой искусственно вызываемыхъ экстаическихъ переживаній и совершенно равнодушной, вслѣдствіе крайне мистическаго характера своей религіозности, къ интересамъ внѣшняго устройства жизни.

— Есть ли выходъ изъ хлыстовства въ широкую міровую жизнь?—спрашиваетъ одинъ журнальный обозрѣватель сектантства (М. Пришвинъ въ № 4 за 1914 г. „Завѣты“, стр. 88) и отвѣчаетъ: „Я долго думалъ, что выхода нѣтъ, но вотъ на моихъ глазахъ въ одной изъ сектъ, происходящихъ прямо отъ хлыстовства, совершилось воскресеніе мертвой грѣховной плоти. Внезапно, послѣ долгихъ мучительныхъ переживаній у сектантовъ душа соединилась съ плотью, и секта превратилась въ социалистическую общину“.

Вопросъ о такой, на первый взглядъ совершенно неожиданной, эволюціи хлыстовства выдвинуть недавно предпринятымъ В. Д. Боцъ-Бруевичемъ изслѣдованіемъ одной изъ новѣйшихъ хлыстовскихъ формацій „Новаго Израіля“ и при

томъ преимущественно со стороны его религіозно-культурныхъ стремленій и достиженій. Въ результатъ у Бончъ-Бруевича получилась изумительная по своей красочности картина достаточно развитой религіозно-культурной теоріи и опытовъ проведенія ея въ жизнь. Но не даромъ говорится, что „изумленіе—плодъ невѣжества“: открытіе Бончъ-Бруевичемъ соціально-культурныхъ тенденцій въ Новомъ Израилѣ было тѣмъ неожиданнымъ, чѣмъ меньше мы знали объ этой же сторонѣ стараго Израиля,—хлыстовства прежней формаціи. Такимъ образомъ, религіозно-культурная характеристика Новаго Израиля, вышедши изъ подъ пера названнаго изслѣдователя сектантства, ставитъ сектовѣдѣнію задачу отысканія и въ старомъ хлыстовствѣ такихъ сторонъ или чертъ, какія можно было бы разсматривать въ качествѣ естественныхъ корней соціально-культурныхъ чаяній, такъ цышно расцвѣтшихъ въ Новомъ Израилѣ. Но этого мало: едва ли нужно говорить, что этотъ расцвѣтъ обусловливался внѣшними по отношенію къ сектантству условіями русской общественной жизни, прежде всего—ростомъ общественнаго самосознанія и соотвѣтствующими ему настроеніями и теченіями, неудержимо быстро просачивающимися въ народъ. Однако для уразумѣнія этого процесса сплетенія въ лонѣ нашего сектантства чисто религіозныхъ воззрѣній съ культурными тенденціями и даже экономическими теоріями времени необходимо было сопоставить Новый Израиль съ соотвѣтствующими сторонами другихъ сектантскихъ формацій отъ болѣе близкихъ ему до самыхъ отдаленныхъ, на какихъ только отразилось то „вѣяніе нашего времени“, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

Такъ опредѣлилась тема, данная рецензентомъ г. Архипову: она выражала собой очередной, наиболѣе свѣжій вопросъ сектовѣдѣнія—о происхожденіи оригинальнаго общественнаго, хозяйственнаго и семейнаго быта Новаго Израиля, развитаго, — прежде всего въ теоріи,—на основѣ религіозныхъ воззрѣній. Сама по себѣ религіозно-бытовая характеристика данной секты послѣ выхода въ свѣтъ соотвѣтствующаго (IV-го) выпуска „Матеріаловъ“ Бончъ-Бруевича не представляла собой ни достаточнаго интереса, ни какихъ-либо затрудненій, поэтому, рецензентъ нарочно осложнилъ ее перечисленными выше элементами, рассмотрѣніе которыхъ

могло бы дать отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи этихъ якобы неожиданныхъ для хлыстовства социальнo-культурныхъ чаяній.

Но такая постановка задачи оказалась слишкомъ широкой для работы г. Архипова, и его сочиненіе представляетъ лишь характеристику быта Новаго Израиля, каждому отдѣлу которой предпосылается своего рода историческая справка о томъ, какъ обстояло дѣло въ данномъ отношеніи въ старомъ Израилѣ. Частіе: высказавъ въ *предисловіи* (XXVII—XLIV стр.; предыдущія страницы,—XI—XXV,—заняты перечисленіемъ 141-го номера источниковъ и пособій): 1) свой взглядъ на русское сектанство вообще, какъ на результатъ религіозныхъ исканій въ средѣ, недостаточно развитой умственно и плохо воспитанной религіозно, и 2) нѣсколько соображеній по частнымъ вопросамъ касательно секты Новый Израиль—о ея численности и отношеніи ея къ старому хлыстовству, г. Архиповъ *1-ю главу* своего сочиненія (1—72 стр.) посвящаетъ „Обзору главнѣйшихъ источниковъ“, гдѣ старается дать оцѣнку какъ своего основного источника—IV-го выпуска „Матеріаловъ“ Бончъ-Бруевича, такъ и болѣе мелкихъ (книжки и статьи: прот. С. Никольскаго, А. Аванасьева, проф. С. Голубева и Я. Сперанскаго), со стороны ихъ значенія для характеристики Новаго Израиля. Во *2-й главѣ* (стр. 73—128), названной „Религіозные корни быта новоизраильтянь“, излагаются догматическія воззрѣнія: сначала хлыстовства—о Богѣ, перевоплощеніи Христа и метампсихозѣ, а потомъ характеризуется отношеніе новоизраильтянь къ св. Писанію и ихъ ученіе—о Богѣ, Троицѣ, о Христѣ и о человекѣ. *Главы 3—6* содержатъ описаніе самаго быта секты: общую организацію ея (3-ья гл.—129—177 стр.), семейный бытъ (4-ая—178—260), домашнюю жизнь (5-ая—261—320) и, наконецъ, отношеніе къ внѣшнимъ, т. е. не принадлежащимъ къ сектѣ (6-ая—321—388). Въ *заключеніи* (389—404 стр.), сказавъ нѣсколько словъ по вопросу о рационалистическомъ или мистическомъ характерѣ секты, г. Архиповъ указываетъ общія всѣмъ русскимъ сектамъ черты въ ихъ нетерпимомъ отношеніи къ правосл. Церкви и стремленіи къ пропагандѣ и характеризуетъ социальное устройство секты „Общихъ“, въ которой видитъ апалогичную Новому Израилю попытку практическаго осуществленія религіозно-

соціальныхъ идей. Къ сочиненію приложены: 1) сектантское сочиненіе, весьма бранчивое по адресу правосл. духовенства, полученное авторомъ отъ одного приходскаго священника Донской епархіи (405—408) и 2) сопоставленіе нѣкоторыхъ сочиненій вождя Новаго Израиля, Лубкова („Сухая смоковница и древо жизни“, „Религія Христа“, „Руководство новоизраильской общины“ и „Рѣчи на первомъ собраніи практическаго богословія“), „Размышленій“ Андрюши Пояркова и 4-хъ новоизраильскихъ пѣсней съ ихъ внѣшними по отношенію къ сектантской литературѣ источниками: письмомъ свящ. Гр. Петрова къ митроп. Антонію, брошюрой Бебеля „Христіанство и социализмъ“ и стихотвореніями Надсона, Некрасова и Лермонтова (409—427).

Такимъ образомъ, для полнаго соотвѣтствія данной темѣ разсматриваемому сочиненію не достаетъ прежде всего изложенія религіозно-культурной *теоріи* Новаго Израиля или, точнѣе, Лубкова; а между тѣмъ она-то и представляетъ собой наибольшій интересъ, такъ какъ не столько въ самомъ устройствѣ сектантской общины, сколько въ воззрѣніяхъ на это послѣднее, въ *идеаль быта* открывается связь сектантскихъ стремленій устройства внѣшней жизни съ чисто религіозными взглядами. Упомянутый трудъ Бончъ-Бруевича и даетъ громадную массу матеріала для воспроизведенія именно религіозно-бытовыхъ воззрѣній, гдѣ было бы не трудно вскрыть чрезвычайно оригинальную связь хлыстовскаго представленія о постоянномъ присутствіи Христа на землѣ съ ходкимъ въ наше время взглядомъ на Него, какъ на соціальнаго реформатора, такъ что устройство Царства Божія, при такомъ взглядѣ, сводится на организацію идеальныхъ общественныхъ отношеній. Такъ естественно намѣчаются для религіозно-бытовой характеристики въ качествѣ ея элементовъ—представленія Бога, Христа, Царства Божія, а потомъ уже—организація секты и проч. Первые два элемента, раскрытые съ соотвѣтствующихъ сторонъ, составили бы то, что рецензентъ рекомендовалъ автору назвать религіозными корнями быта, третій,—центральный для сочиненія элементъ,—представилъ бы религіозно-культурный идеаль, а остальные — лишь детали его и попытки практическаго осуществленія. Такъ какъ въ разсматриваемомъ сочиненіи не удѣлено спеціальнаго мѣста религіозно-культурной те-

оріи, то и изложеніе релігіозныхъ воззрѣній оказалось совершенно излишнимъ, механическимъ придаткомъ къ описанію быта, — придаткомъ, нисколько не оправдываемымъ его названіемъ, коль скоро это послѣднее совершенно не соответствуетъ ему. О представленіи Царства Божія, — этомъ несомнѣнно опредѣляющемъ релігіозно-бытовья чаяніи новоизраильтянъ элементъ ихъ міровоззрѣнія, — г. Архипповъ вспоминаетъ слишкомъ поздно — въ послѣдней главѣ своего сочиненія и то лишь мимоходомъ и случайно: характеризуя отношеніе хлыстовства къ государству. Вслѣдствіе этого самое описаніе новоизраильскаго быта теряетъ у г. Архиппова видъ релігіозно-бытовой характеристики и становится описаніемъ быта, совсѣмъ не связаннаго съ релігіозными воззрѣніями.

Совершенно отсутствуетъ въ сочиненіи третій элементъ темы — внѣшнія условія возникновенія и развитія секты, релігіозно-соціальныя воззрѣнія которой формировались подъ слишкомъ очевиднымъ вліяніемъ соответствующихъ теченій послѣдняго десятилѣтія XIX-го и перваго десятилѣтія XX-го вѣковъ въ Россіи.

Недостаточно раскрытъ послѣдній элементъ темы — параллельныя новоизраильскимъ релігіозно-культурнымъ чаяніямъ тенденціи въ другихъ сектантскихъ формаціяхъ. Въ рѣчи объ этихъ послѣднихъ открывается, насколько плохо авторъ ориентировался въ представленіи общей задачи и конечной цѣли своей работы. Отыскивая требуемая темой параллели, онъ усматриваетъ ихъ прежде всего въ отрицательномъ отношеніи къ правосл. Церкви и стремленіи къ пропагандѣ, т. е. въ такихъ чертахъ, которыя издавна присущи всему нашему сектантству и потому не имѣютъ ровно никакого значенія для рѣшенія вопроса о вліяніи современныхъ соціальныхъ теченій на релігіозно-культурную сторону разсматриваемой секты.

Впрочемъ, положительный элементъ разсматриваемаго сочиненія, — описаніе быта Новаго Израіля, сразу же и объясняетъ, почему данная г. Архиппову тема оказалась суженой въ его сочиненіи: въ ея раскрытіи нашъ авторъ шелъ не отъ теоріи къ внѣшнимъ фактамъ, а наоборотъ. Конечно, такой методъ работы самъ по себѣ не только не можетъ вызвать противъ себя возраженій, но и вскрываетъ въ г. Архипповѣ

весьма похвальное свойство позитивного мышления, ставящаго прежде всего видный определенный фактъ, а потомъ уже—воззрѣнія, идеи и теоріи. Правда, давая настоящую тему, рецензентъ,—да, несомнѣнно, и самъ авторъ въ то время,—считалъ слишкомъ недостаточнымъ предметомъ годичной работы одну характеристику быта новоизраильтянъ, такъ какъ матеріалъ для нея исчерпывался всего одной книгой Бончъ-Бруевича, и, если бы источникомъ характеристики, сдѣланной г. Архипповымъ, были исключительно свѣдѣнія, добытыя этимъ сектовѣдомъ, то и его сочиненіе представляло бы собой лишь 2-ое изданіе пространной характеристики Новаго Израиля, помѣщенной Бончъ-Бруевичемъ въ началѣ его книги (XXIII—СХХІХ стр.) Но г. Архипповъ значительно пополнилъ упомянутый матеріалъ свѣдѣніями, добытыми лично имъ самимъ, для чего онъ объѣздилъ на велосипедѣ порядочную площадь Донской области, вступая въ личное общеніе съ представителями изслѣдуемой имъ секты, наблюдая ихъ бытъ, разспрашивая односельчанъ, священниковъ, миссіонеровъ, справляясь въ церковно-приходскихъ рукописныхъ лѣтописяхъ и проч. Мало того: неутомимость въ погонѣ за матеріаломъ у г. Архиппова настолько превзошла обычное „казенное“ отношеніе къ обязательной работѣ, что онъ обращался съ письменными запросами въ Воронежскую дух. консисторію и бібліотеку Академіи Наукъ (въ послѣднюю, впрочемъ, неудачно); наконецъ, нашъ авторъ съ рѣдкой заботливостью привлекаетъ въ своемъ сочиненіи наблюденія и впечатлѣнія отъ знакомства съ новоизраильтянами еще въ семинаріи. Если сюда прибавить, что г. Архиппову посчастливилось ознакомиться съ цѣлымъ рядомъ рукописныхъ актовъ тѣхъ судебныхъ процессовъ послѣдняго времени, на которыхъ базируется едва ли не все научное представленіе стараго хлыстовства, то станетъ очевиднымъ, насколько выгодно выдѣляется работа г. Архиппова съ этой, наиболее существенной даже въ серьезно научномъ отношеніи, стороны надъ среднимъ уровнемъ кандидатскихъ сочиненій.

Въ „Обзорѣ источниковъ и пособій“ г. Архипповъ обнаружилъ похвальное стремленіе оцѣнить свои печатные источники; и, если его критика труда Бончъ-Бруевича при утомительной растянутости и излишней привязанности къ одной жур-

нальной статьѣ (Правдолюбова изъ „Голоса Церкви“ за 1914 г.), не совсѣмъ удовлетворительна, мѣстами наивна, то краткія и мѣткія, сдѣланныя совершенно самостоятельно замѣчанія объ остальныхъ источникахъ почти безупречны.

Нѣкоторое сожалѣніе вызываетъ у рецензента стиль сочиненія: авторъ, повидному, не имѣлъ времени поворачивать свой карандашъ къ бумагѣ той стороной, гдѣ прикрѣпляется резинка („vertere stilum“); съ первыхъ же страницъ сочиненія читателя коробитъ странное употребленіе слова „служить“ тамъ, гдѣ принято говорить „является“, отчего выраженія въ родѣ: „основателемъ Новаго Израиля служить Лубковъ“ (XXXIV) встрѣчается иной разъ даже дважды на страницѣ (напр., XXII). Много въ сочиненіи неудачныхъ выраженій и нескладныхъ фразъ.

Степени кандидата богословія г. Архиповъ вполне достоинъ, а за свой трудъ въ собраніи матеріала для религіозно-бытовой характеристики Новаго Израиля заслуживаетъ и нарочитой похвалы“.

б) Экстраординарнаго профессора А. П. Орлова:

„Сочиненіе г. Архипова по своему содержанию отчасти даетъ больше, чѣмъ требуется ближайшимъ смысломъ его темы, а отчасти значительно суживаетъ ея объемъ. Съ одной стороны, въ качествѣ сверхдолжныхъ, хотя и вполне умѣстныхъ въ работѣ автора, отдѣловъ его сочиненія являются, во 1-хъ, критическій обзоръ имѣющихся въ русской литературѣ матеріаловъ и изслѣдованій по вопросу о Новомъ Израилѣ,—въ особенности обстоятельная оцѣнка извѣстныхъ „Матеріаловъ“ Бончъ-Бруевича, и во—2-хъ, опытъ детальнаго анализа нѣкоторыхъ произведеній ново-израильской письменности, съ цѣлью выясненія вопроса, насколько эта письменность стоитъ въ зависимости отъ произведеній внѣсектантской интеллигентской литературы. Автору удалось между прочимъ показать, что въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Лубкова и другихъ представителей Новаго Израиля вкраплены цѣлыя тирады изъ произведеній Гр. Петрова, Бебеля и др.—Съ другой стороны, отдѣлы объ историческихъ корняхъ секты Новый Израиль, внѣшнихъ условій ея возникновенія и развитія, о параллельныхъ ей явленіяхъ въ современномъ русскомъ сектанствѣ, требуемые формулировкой

темы автора, оказываются почти совершенно не затронутыми на страницах его сочинения. Центральный вопрос работы автора,—характеристика религиозно-бытовой стороны Нового Израиля,—раскрытъ имъ съ достаточной обстоятельностью. Симпатичной особенностью работы г. Архипцова является та черта, что авторъ не ограничился опубликованнымъ уже матеріаломъ своей темы, но постарался восполнить и провѣрить его путемъ личнаго наблюденія надъ жизнію упомянутой секты въ Донской епархіи, равно какъ путемъ собиранія свѣдѣній о ней у священниковъ отмѣченной епархіи. Правда, добытыя авторомъ такими путями свѣдѣнія о Новомъ Израилѣ не привнесли чего либо существенно-цѣннаго къ вопросу объ этой сектѣ, однако обнаруженный авторомъ не—„казенный“ интересъ его къ своей темѣ заслуживаетъ одобренія.

Изложеніе автора въ общемъ достаточно литературное.

Кандидатской степени авторъ достоинъ“.

5) О сочиненіи студента *Аскалонова Стефана* на тему: „Царь Иванъ Грозный и Православная Церковь“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Въ трехъ главахъ, на которыя распадается сочиненіе г. Аскалонова, мы находимъ: а) изображеніе отношенія Ивана Грознаго къ собиравшимся въ его царствованіе церковнымъ соборамъ; б) характеристику отношеній его къ духовенству и с) рассказъ о попыткахъ разрѣшить вопросъ о церковныхъ имуществахъ въ его царствованіе. Въ первой главѣ авторъ съ особенною подробностью останавливается на Стоглавомъ соборѣ и на вопросѣ объ участіи въ немъ царя Ивана. Разсказавъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ созывался соборъ, г. Аскалоповъ выясняетъ дѣятельность молодого царя на соборѣ, приводитъ рѣчи, имъ составленныя, и старается выдѣлить вопросы, предложенные собору самимъ царемъ, изъ общаго количества поставленныхъ собору вопросовъ. Однако доказательства, приводимыя г. Аскалоновымъ въ пользу авторства царя, не всегда прочны. Намъ, по крайней мѣрѣ, кажутся шаткими соображенія, основанныя на словахъ „въ нашемъ царствѣ на Москвѣ“ или „при дѣдѣ моемъ“, или „отецъ мой князь великій Васплій Ивановичъ“

и т. п. Въ Московскомъ государствѣ всѣ государственные акты писались отъ имени государя: это вовсе не значить, что государь принималъ личное участіе въ ихъ составленіи—это была просто форма (43). Замѣтимъ также, что совершенно излишне было на четырехъ страницахъ большого формата переписывать вопросы Стоглава. Ихъ можно имѣть подъ руками въ доступномъ изданіи. Если уже излагать ихъ—то все же надо было представить это изложеніе въ какой-либо систематической группировкѣ (24—28). Въ главѣ II даются слишкомъ краткія характеристики московскихъ митрополитовъ, занимавшихъ митрополичій престолъ въ царствованіе Ивана Грознаго. Объ отношеніяхъ Грознаго къ митрополиту Макарію можно было бы сказать гораздо больше. Точно также слѣдовало-бы больше остановиться на отношеніи Грознаго къ митрополиту Филиппу; авторъ-же ограничился пересказомъ всѣмъ хорошо изъ Карамзина еще извѣстнаго факта столкновенія царя съ митрополитомъ. Въ III главѣ г. Аскалоновъ излагаетъ причины, по которымъ вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ получилъ такую ягучую остроту въ XVI вѣкѣ. Однимъ мотивомъ, заставлявшимъ Ивана Грознаго рѣшительно выступить противъ церковнаго землевладѣнія, была забота объ организаціи обширнаго служилаго класса, для содержанія котораго нуженъ былъ все болѣе обширный земельный запасъ. Авторъ излагаетъ въ краткихъ чертахъ общія основы организаціи московскаго войска. Другимъ мотивомъ—были „пронстекающія изъ церковнаго землевладѣнія народно-экономическія невыгоды“, заключавшіяся въ томъ, что казна вслѣдствіе различныхъ даваемыхъ монастырямъ податныхъ льготъ не добирала значительныхъ ресурсовъ въ видѣ податей съ монастырскихъ крестьянъ. Наконецъ, имѣли значеніе соображенія религіозно-нравственнаго характера. Авторъ приводитъ выдержки изъ тѣхъ произведеній Грознаго, въ которыхъ царь жалуется на упадокъ монастырскихъ нравовъ. Глава заканчивается разсказомъ преимущественно по книгѣ Павлова о попыткахъ секуляризаціи церковныхъ имѣній, предпринимавшихся царемъ Иваномъ. При этомъ едвали можно согласиться съ доказательствами секуляризаціи новгородскихъ церковныхъ земель, происходившей будто-бы при Иванѣ IV (124). Приведенные авторомъ изъ книги Павлова примѣры говорятъ

объ обширной секуляризации, происходившей въ Новгородскомъ краѣ, какъ извѣстно, при Иванѣ III. Всѣ три главы страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ: отсутствіемъ самостоятельнаго изученія первоисточниковъ, которое могло-бы повести и къ новымъ выводамъ или же къ оригинальному подтвержденію старыхъ. Авторъ предпочелъ ограничиваться пересказомъ прочитаннаго въ литературѣ. Повѣствованіе въ его сочиненіи преобладаетъ надъ размышленіемъ.

Не отличается отъ этихъ трехъ главъ по своимъ качествамъ и предпосылаемое имъ введеніе, въ которомъ авторъ по книгѣ проф. Дьяконова характеризуетъ воззрѣнія на царскую власть, сложившіяся ко времени Грознаго. Нѣкоторыя мѣста введенія написаны такъ неясно, что мы отказываемся ихъ понимать. „Власть самихъ государей“, пишетъ авторъ на стр. 1, „могла находить себѣ ограниченіе развѣ только въ одной себѣ“. Не проще ли было сказать, что эта власть была неограниченной? Можно очень спорить противъ того значенія, которое авторъ даетъ термину „теократическое“ государство, называя такимъ терминомъ Московское государство, гдѣ государь властвовалъ и надъ церковью. Въ такомъ случаѣ и Англію послѣ реформаціи и нѣмецкія государства могутъ быть названы теократіями! „Такимъ же характеромъ“, пишетъ авторъ (9), „отличаются и всѣ другія положенія (митрополита) Давіила, въ которыхъ онъ трактуетъ о власти. Поэтому мы оставимъ ихъ и перейдемъ прямо къ Грозному“. Рѣшительно недоумѣваемъ, въ чемъ тутъ причинная связь („поэтому“) между характеромъ положеній митрополита Давіила и стремленіемъ автора скорѣе перейти къ изложенію воззрѣній Грознаго. Совершенно непоследователенъ выводъ на стр. 10. „Современники такъ характеризовали его (Ивана Грознаго): „бысть же и въ словесной премудрости риторъ естествословенъ и смышленіемъ быстроумецъ“. Отсюда (?) знакомство царя Ивана съ произведеніями русскихъ публицистовъ становится болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ“. Непонятно это „отсюда“. На стр. 14 авторъ говоритъ: „Дѣянія Стоглаваго собора являются какъ бы реальнымъ подтвержденіемъ и осуществленіемъ мысли Грознаго, высказанной имъ въ перепискѣ съ Курбскимъ“, какъ бы забывая, что переписка съ Курбскимъ происходила значительное время спустя послѣ Стоглаваго собора. Митрополита

Данила; виднаго представителя іосифлянскої школы, г. Аскалоновъ характеризуетъ по книгѣ проф. Дьяконова, гдѣ о Данилѣ упоминается лишь мимоходомъ, и совершенно игнорируетъ обширную книгу Жмакина, специально посвященную митрополиту—іосифлянину, по которой г. Аскалоновъ могъ бы познакомиться и съ сочиненіями Данила. Отмѣтимъ небрежность цитации. Статья проф. Шпакова указывается и въ списокѣ литературы и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“, но неизвѣстно какихъ. Небрежностью можно объяснить и отсутствие оглавленія, что затрудняетъ читателю оріентировку въ сочиненіи.

При указанныхъ недостаткахъ все же сочиненіе г. Аскалонова, въ виду достаточнаго знакомства автора съ предметомъ, имъ избранымъ для изученія, можетъ быть удостоено кандидатской степени“.

б) Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*:

„Небольшое (145+VIII стр.) сочиненіе г. Аскалонова изображаетъ отношеніе Ивана Грознаго къ Православной Церкви съ трехъ сторонъ: его отношеніе къ соборамъ помѣстной русской церкви, его отношеніе къ іерархіи и его отношеніе къ земельнымъ владѣніямъ Церкви, въ частности—монастырей. При такомъ распорядкѣ сочиненія въ немъ не могло оказаться одной общей исторической картины отношенія грознаго царя къ Православной Церкви. Каждая глава сочиненія представляетъ изъ себя какъ-бы отдѣльный очеркъ. Нѣтъ въ сочиненіи почти совсѣмъ ни характеристики Ивана IV, ни характеристики церковной жизни въ разсматриваемое царствованіе. Сочиненіе кратко и далеко не исчерпываетъ своей широкой и интересной темы. Не отличается оно и научными достоинствами. Вовсе не видно, чтобы г. Аскалоновъ самъ сколько-нибудь познакомился съ историческими источниками; онъ въ полной зависимости отъ своихъ пособій, откуда почерпаетъ и всѣ выдержки изъ историческихъ документовъ. Объ авторѣ нельзя сказать, что онъ изучилъ свой предметъ; онъ лишь познакомился съ нимъ. Небольшая самостоятельность проявлена авторомъ лишь въ первой главѣ, гдѣ онъ болѣе подробно разсуждаетъ о стоглавомъ соборѣ. Вторая глава повѣствуетъ лишь о самыхъ общезвѣстныхъ

фактахъ, вродѣ столкновѣнія царя съ митрополитомъ Филиппомъ, причемъ эти факты описываются по исторіи митр. Макарія. Третья глава почти цѣликомъ наполнена выписками изъ книгъ Милютина (О педвижимыхъ имуществвахъ духовенства въ Россіи. Москва, 1861) и А. Павлова (Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, ч. I. Одесса, 1871). А между тѣмъ въ этой главѣ преимущественно выдержки изъ сочиненій Грознаго. Всѣ выдержки взяты изъ вторыхъ рукъ. Иногда въ сочиненіи автора одѣ и тѣ же выдержки повторяются, при чемъ въ одномъ случаѣ онѣ взяты изъ статьи Шпакова, а въ другомъ — изъ книги Дьяконова (Срвн. стр. 12—13 и 112). Сказаннымъ опредѣляется характеръ работы г. Аскалопова: его сочиненіе написано по пособіямъ. Пособій г. Аскалоновъ прочиталъ не мало, хотя и не воспользовался всѣмъ богатствомъ ихъ содержанія въ своемъ краткомъ сочиненіи. Однако сочиненіе написано складно и толково; читается оно легко и иногда не безъ интереса. Мелкіе промахи и недосмотры есть, но ихъ немного. Сильвестръ у него, напр., именуется *протоіереемъ* (стр. 36). Гонительница Златоуста названа Евдокіей (стр. 77). На стр. 9-й читаемъ: „Въ ученіи о власти Даниилъ ограничивается довольно общезвѣстными въ то время положеніями. Такъ, о предназначеніи властей онъ говоритъ, что онѣ поставлены „во отмщеніе злодѣямъ, въ похвалу же благотвориющимъ“ и т. д. Что же это за „общезвѣстный въ то время положенія“, если здѣсь буквально повторяются слова ап. Петра (I, 2, 14)? Странно также читать, будто въ царствованіе Ивана Грознаго „теократическій характеръ Московскаго государства достигъ высшаго своего развитія“ (стр. 14).

Не сдѣлавъ вклада въ научную сокровищницу, г. Аскалоновъ, несомнѣнно, значительно увеличилъ сокровищницу своихъ историческихъ познаній, читая тѣ статьи и книги, списокъ которыхъ мы видимъ въ началѣ его рукописи. За свою учебную курсовую работу г. Аскалоновъ можетъ быть удостоенъ кандидатской степени“.

6) О сочиненіи студента *Бажанова Василія* на тему: „Религіозно-правственное состояніе Израиля въ плѣну Вавилонскомъ“.

а) Ординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Сочиненіе студента В. Бажанова состоитъ изъ введенія, двухъ главъ и заключенія. Во введеніи авторъ говоритъ о плѣнѣ вавилонскомъ, какъ о важномъ историческомъ моментѣ въ общей исторіи Израиля. Въ 1-й главѣ онъ даетъ характеристику религіозно-нравственнаго состоянія Израиля въ доплѣнный періодъ и дѣлаетъ естественный переходъ (во 2-й главѣ) къ характеристикѣ религіозно-нравственнаго состоянія Израиля въ плѣну. Въ заключеніи авторъ показываетъ, что плѣнъ Вавилонскій былъ какъ бы пещью огненною, очищавшею Израиля.

Въ частности, характеризуя доплѣнное религіозно-нравственное состояніе евреевъ, авторъ въ 1-й главѣ своего, довольно полнаго по содержанію, сочиненія отмѣчаетъ частыя колебанія въ духовной настроенности Израиля въ періодъ царей, нерѣдко забывавшихъ, что они—цари теократическаго царства. Цари нерѣдко увлекались инопоземнымъ культомъ и вообще языческими „мерзостями“. Увлекался этимъ же, по примѣру своихъ царей, и подвластный имъ народъ. Разъѣдавшая народный организмъ духовная зараза была настолько сильна, что исторически извѣстные недолгіе подъемы въ духовной жизни еврейскаго народа за время царей не могли исцѣлить народнаго организма. Цари нерѣдко были равнодушны къ славѣ и чести своего народа. Совѣтники царя и старѣйшины были слугами царя, а не Бога.

Но, не смотря на всеобщій упадокъ правевственности, Израиль принесъ въ плѣнъ цѣнное достояніе—религіозную вѣру. Эта вѣра сплотила народъ въ плѣну и сохранила народную душу. И хотя плѣненный Израиль попалъ въ среду сильнаго культурнаго народа, хотя у него не было своего храма, однако онъ въ плѣну Вавилонскомъ не забылъ своего Бога. Онъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, не переставалъ стремиться всею душою къ своей родинѣ. Это стремленіе само по себѣ—пассивное начало; но поскольку въ настроеніи Израиля былъ элементъ покаяннаго настроенія, постольку оживали его національныя стремленія.

Частично выясняя общій духовный подъемъ Израиля въ плѣну, авторъ говоритъ о прозелитизмѣ, какъ объ одномъ изъ выразительныхъ указаній на универсализмъ религіи богоизбраннаго народа.

Итакъ, Израиль *самъ* памятоваль о Богѣ въ плѣну Вавилонскомъ. Богъ также не забываль Своего, исторически, казалось, вымиравшаго народа: Онъ воздвигаль и среди плѣнннаго Израиля пророковъ и великихъ мужей и, наконецъ, снова возвратилъ народъ Свой въ Палестину.

Всѣ эти мысли послѣдовательно и обосновываются авторомъ въ его сочиненіи. При чтеніи работы г. Бажанова видишь, что онъ, кромѣ внимательно прочитаннаго имъ первоисточника—Библии и такихъ, напримѣръ, источниковъ, какъ труды Иосифа Флавія, Геродота, Діодора и др., имѣль подъ руками большую справочную литературу. Обоснованіе выводовъ автора на точныхъ, въ большинствѣ случаевъ, данныхъ общей исторіи придадо справкамъ его характеръ обстоятельности, что особенно цѣнно въ работѣ автора *по исторіи*.

Такія качества работы г. Бажанова даютъ ему полное право на полученіе степени кандидата богословія.

Но рецензентъ не можетъ не обратить вниманія на стиль сочиненія автора: онъ любитъ не въ мѣру растянутыя предложенія и сильныя, но не всегда точныя, выраженія, какъ, напримѣръ: „грозная туча катастрофы“ (стр. 2)... „Религиозная жизнь при ослабленіи „пульса ея“... „Пусть эти несчастные плачутъ на развалинахъ второго храма, все же лейтъ-мотивъ ихъ скорби лежитъ въ раннемъ трагическомъ историческомъ несчастіи“ (стр. 10)... „На фонѣ глубокаго религиознаго мрака и нравственнаго затемнѣнія едва мерцали, а иногда и ярко блестѣли и свѣтили звѣзды великаго и славнаго былого теократическаго существованія“... (стр. 58). „Законъ, вдунутый въ душу“... (стр. 66). „Высокія и животворныя потенціи въ образъ теократической жизни“... (стр. 69)... „Израиль вѣчно-завѣтный“... (стр. 204) и т. д.

Въ одномъ случаѣ любовь автора къ образамъ и сравненіямъ разрѣшилась историческою неточностью: онъ говоритъ, что святилище Иеговы обратилось въ подобіе римскаго пантеона и пополнялось „изъ царствованія въ царствованіе новыми и новыми идолами, предъ которыми тутъ же совершалось служеніе“. И далѣе авторъ приводитъ на справку видѣніе пророка Іезекіиля, гдѣ говорится о мерзостяхъ въ іерусалимскомъ храмѣ (Іезек. гл. 8). Ко всѣмъ этимъ заявленіямъ и поясненіямъ авторъ долженъ былъ отнестись съ осторожностью. Но вопросъ о стилистикѣ ставитъ вопросъ о

первоначальной подготовительной школы, в которой он усвоил несколько своеобразные приемы изложения своих мыслей. Частные же погрешности автора против истории существенно не видоизменяют последовательно развиваемых, и, как мы сказали, в целом обстоятельных, мыслей автора.

В виду сказанного мы признаем сочинение г. Бажанова достаточною кандидатскою работою“.

б) Доцента *іеромонаха Варооломея (Релова)*:

„Пятив Вавилонскій—не только интересная, но и весьма важная эпоха в жизни народа Божія. Господь дважды судилъ входить Израилю въ Палестину; оба раза Онъ ставилъ народъ Свой въ тяжелыя условия жизни совершенно аналогичныя. И тамъ и здѣсь народъ живетъ въ сферѣ чуждыхъ по крови и духу поработителей народовъ. Первый разъ входилъ Израиль въ Палестину, „Египетскаго зла избѣжавъ“, второй разъ—избѣжавъ Вавилонскаго зла. На изслѣдователя такой эпохи ложится большая и нелегкая, но въ высшей степени благодарная задача—прослѣдить жизнь народа Божія и въ основныхъ направленіяхъ и даже въ тончайшихъ изгибахъ, потому что на страницахъ Библии—богатый матеріалъ для осуществленія и наилучшаго выполненія такой задачи. Г. Бажановъ взялъ на себя столь серьезную задачу—прослѣдить религиозно-нравственное состояніе Израиля въ плѣну Вавилонскомъ. И первый вопросъ, на который долженъ отвѣтить рецензентъ его сочиненія,—сумѣлъ-ли авторъ понять и представить эту эпоху кризиса—перелома жизни народа Божія, эпоху переоцѣнки имъ всякихъ духовныхъ цѣнностей? Сумѣлъ ли г. Бажановъ развязать стянутый здѣсь узелъ, въ которомъ завязаны концы издалека идущихъ историческихъ нитей—длинныхъ процессовъ и начала новыхъ путей, иныхъ направлений, по которымъ затѣмъ и пошла жизнь Іуды въ послѣднюю эпоху—въ возвращенной Іудеямъ Палестинѣ?—На эти вопросы рецензентъ сочиненія долженъ отвѣтить отрицательно, но тѣмъ не менѣе онъ не хочетъ обрушиваться на г. Бажанова градомъ обвиненій и обильныхъ указаній его недостатковъ. Рецензентъ понимаетъ, что г. Бажановъ и не задавался столь значительными цѣлями. Его кандидатское сочиненіе очень поучи-

тельно по самому тону, по самому характеру изложенія съ той именно стороны, что г. Бажановъ пишетъ безъ всякой претенціозности. Онъ много, хотя и безъ системы, почитаетъ, достаточно интересовался предметомъ своей работы, и потому старался свести вычитанный имъ большой матеріалъ въ одно цѣлое по тремъ главамъ: 1) Религіозно-нравственное состояніе Израиля предъ плѣномъ (стр. 17—62), 2)—Религіозно-нравственное состояніе въ плѣну (стр. 63—208) и 3)—Вліяніе плѣна Вавилонскаго на духовную жизнь послѣплѣннаго Израиля (заключеніе—стр. 209—269).

Собиралъ г. Бажановъ для своей работы много матеріала и за это усердіе онъ заслуживаетъ одобренія. Но нецѣннаго матеріала у него въ работѣ довольно много, такъ что приходится отмѣтить недостатокъ у нашего автора критическаго чутья. Кое-что изъ избраннаго матеріала привлечено г. Бажановымъ къ дѣлу совсѣмъ неумѣло—не такъ, какъ слѣдовало бы. Намъ очень жаль и даже досадно, что г. Бажановъ не понялъ и неудовлетворительно выполнилъ одно изъ цѣнныхъ указаній своего ученаго руководителя. Ему рекомендовалось привлечь къ дѣлу относящійся къ темѣ церковно-богослужебный матеріалъ,—мысль очень цѣнная, потому что въ богослуженіи—нетронутая почти сокровищница идеологическаго матеріала, весьма полезнаго для осмысливанія и освѣщенія библейской исторіи подъ угломъ зрѣнія именно православно-церковнаго сознанія. Авторъ же пользуется этимъ матеріаломъ, какъ штрихами для историческаго, повѣствовательнаго изображенія. Вообще идеологія г. Бажанову не удалась: ея мѣсто въ его трудѣ—случайное, тогда какъ даже въ сочиненіи видно, что самый предметъ изслѣдованія толкалъ г. Бажанова къ идеологіи. Быть можетъ, г. Бажановъ намѣренно воздерживался отъ этого (чего, впрочемъ, не замѣтно въ сочиненіи), стараясь остаться на почвѣ строго-научной—объективнаго изслѣдованія (если бы было такъ, то это г. Бажанову не удалось). Мы, какъ сказали выше, отрицаемъ за г. Бажановымъ стремленіе не только быть ученымъ, но и казаться имъ: онъ не хочетъ казаться тѣмъ, кто онъ не есть, и предпочитаетъ проще смотрѣть на свою работу.

Но все же работа г. Бажанова есть работа, представляемая на соисканіе ученой степени, хотя бы только *первой*.

Поэтому мы обязаны примѣнить къ ней самыя элементарныя, незначительныя требованія, но все-же обычно предъявляемыя къ ученой работѣ. Таковымъ онъ болѣе или менѣе удовлетворяетъ. Читатель всякаго литературнаго произведенія обрѣтаетъ за словами мысли, за внѣшней стороною произведенія внутреннюю. Начнемъ и мы со стиля г. Бажанова. Мы нашли у него много неудачныхъ и необработанныхъ фразъ и выраженій (напр. на стр. 2, 3, 4, 5, 10, 12, 14, 19, 24, 25, 37, 45, 46, 58, 61, 66, 69, 71, 73, 112, 117, 126, 138, 167, 176, 204, 232, 234, 251, 265, 267), но вѣдь это—недостатокъ присущій въ большей или меньшей мѣрѣ многимъ литературнымъ и ученымъ произведеніямъ. Для насъ ясно одно: стиль г. Бажанова—еще далеко не установившійся, и мы рекомендовали бы ему работать надъ нимъ, чтобы отучиться отъ выраженій въ родѣ слѣдующихъ, хотя бы и вычитанныхъ: „животворныя потенціи“ (стр. 65), Израиль „самосознать себя“ (стр. 117), „самосознаніе своей роли“ (стр. 268), „образъ теократизма“ (стр. 186) „зародившееся возрожденіе“ (стр. 185), „бѣглый взоръ по страницамъ исторіи“ (стр. 267). Проницательность пророковъ, по выраженію нашего автора, „слишкомъ велика“ и богодухновенный взоръ ихъ „слишкомъ остръ“ (стр. 191). Нельзя спаивать фразы изъ цитируемыхъ выраженій такимъ образомъ: „Святой примѣръ этихъ исповѣдниковъ, „мучителей уловиша къ познанію“ Бога, примѣръ тѣхъ, которые „царя обличисте, людемъ же дерзостнымъ сопротивляетеся“... которые „каплями кровей спасенія безбожія угасисте“ (стр. 184, ср. 200, 210, 211 и др.). За вычетомъ сдѣланныхъ замѣчаній стиль сочиненія г. Бажанова намъ представляется довольно хорошимъ: подъ вліяніемъ живого и изобразительнаго языка Библии, которую г. Бажановъ, къ чести его сказать, изучалъ съ большимъ вниманіемъ и тщаніемъ, и его языкъ пріобрѣлъ живость и изобразительность, и чтеніе сочиненія пожалуй даже создаетъ настроеніе; можно только порадоваться такому вліянію и пожелать, чтобы г. Бажановъ еще болѣе подчинился ему.

Есть въ работѣ г. Бажанова сужденія неопредѣленныя, утвержденія неправильныя или поверхностныя, историческія ошибки, которыя иногда онъ заимствуетъ изъ своихъ пособій, повторяя такимъ образомъ чужія ошибки (напр. стр. 7, 8, 14, 20, 31 — 32, 61, 95 — 96, 262, 269). Пророка Іеремію онъ

считаетъ авторомъ посланія извѣстнаго съ его именемъ (стр. 205), дѣятельность царя Іосіа онъ представляетъ не совсѣмъ вѣрно (стр. 40 — 41). На 42 стр. г. Бажановъ неправильно представляетъ исторію, на 127—8 стр. невѣрно опредѣляетъ настроеніе кающихся плѣнниковъ, на 176 стр. съ усердіемъ идеализируетъ Давида, приписывая ему не то, что онъ сдѣлалъ; вообще нашъ авторъ, съ интересомъ занимавшійся своимъ предметомъ, съ понятнымъ увлеченіемъ по мѣстамъ преувеличиваетъ (напр. стр. 178, 179), иногда говоритъ о томъ, что къ дѣлу не относится (стр. 51, 220 и далѣе).

Но въ общемъ сочиненіе г. Бажанова достаточно для при- сужденія его прилежному автору степени кандидата бого- словія. Сочиненіе—не изъ блестящихъ, по довольно дѣль- ное. Если оно и не очень глубоко изслѣдуетъ свой пред- метъ, то во всякомъ случаѣ усердно и добросовѣстно, а нѣ- которыя страницы его, какъ напр. о Моисеѣ и Іосифѣ Вави- лонскаго плѣна—пророкахъ Іезекиилѣ и Даниилѣ, о значеніи для плѣнныхъ іудеевъ пророческаго слова (стр. 177, 187, 194) читаются даже съ удовольствіемъ“.

7) О сочиненіи студента *Въльчикова Николая* на тему: „Изборникъ Святослава 1073 года; его языкъ и литератур- ная исторія“.

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Л. Туницкаго*:

„Святославовъ Изборникъ 1073 г.—одипъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ русской переводной письменности. По содержанію онъ представляетъ собою своеобразную ком- пилицію изъ нѣкоторыхъ святоотеческихъ твореній, возник- шую на византійской почвѣ и переведенную на древне-сла- вянскій языкъ въ вѣкъ царя Симеона въ Болгаріи. Какъ памятникъ глубокой древности и большого историко-лите- ратурнаго значенія, этотъ Изборникъ заслуживаетъ особен- наго вниманія къ себѣ и со стороны своего языка, и со стороны своей литературной исторіи. Однако ему не посча- стливилось: до сихъ поръ онъ остается очень мало изслѣдо- ваннымъ и съ той, и съ другой стороны. Главная причина этого заключается въ отсутствіи не только изслѣдованія, но даже и изданія той греческой компилиціи, которая послу- жила оригиналомъ для Святославова Изборника. Между

тѣмъ въ рукописномъ видѣ такая компиляція уже давно въ наукѣ имѣется въ виду. Это—греческій кодексъ Коаленева 6—ки, X в. Въ шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія проф. О. М. Бодянский, предпринявшій изданіе Свято-славова Изборника и его греческаго оригинала, достигъ того, что для него была снята точная копія съ Коаленева кодекса подъ наблюденіемъ учёныхъ Газа и Миллера. Предпріятію Бодянскаго не суждено было достигнуть своего осуществленія, но упомянутая копія, къ счастью, сохранилась въ прекрасномъ видѣ и сейчасъ находится, въ числѣ бумагъ Бодянскаго, въ б-кѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Задачей г. Бѣльчикова было изучить Святославовъ Изборникъ, привлеки къ дѣлу и эту копію съ греч. Коаленева кодекса. Разумѣется, всестороннее изслѣдованіе Святосл. Изборника и со стороны языка и со стороны литературной въ законченномъ видѣ могло бы быть осуществлено, при самомъ большемъ напряженіи труда, не въ одинъ годъ, а въ теченіи ряда лѣтъ. Отъ автора разсматриваемаго сочиненія этого и не требовалось. Въ рамкахъ курсоваго сочиненія ему нужно было пройти тотъ основной, и въ то же время самый важный, фазисъ работы надъ памятникомъ, который долженъ составить почву для всесторонняго изученія его, т. е. произвести послѣдовательное сличеніе обширнаго славянскаго текста съ греческимъ подлинникомъ въ цѣляхъ опредѣленія состава и свойствъ перевода и наиболѣе точной характеристики языка.

Эта задача выполнена г. Бѣльчиковымъ съ полнымъ успѣхомъ. Его сочиненіе (1 — 284 стр.) состоитъ изъ семи, небольшихъ по размѣрамъ, главъ, въ которыхъ подвергаются послѣдовательной разработкѣ вопросы объ отношеніи славянскаго текста Изборника къ греческому кодексу Коаленева 6-ки (гл. 1) и объ отношеніи этого кодекса къ существующимъ печатнымъ изданіямъ тѣхъ святоотеческихъ твореній, изъ которыхъ отрывки вошли въ изучаемую компиляцію (гл. 2), дается подробное описаніе перг. рукописи Изборника (гл. 3), характеризуются черты русскаго языка въ его текстѣ (гл. 4), представленъ словарь къ нему (гл. 5), дается рядъ критическихъ замѣчаній о начатомъ Бодянскимъ изданіи Изборника и греческаго текста къ нему

(гл. 6) и перечисляются ошибки этого несовершеннаго и незаконченнаго изданія (гл. 7).

Изъ представленнаго обзора содержанія видно, что разработка взятой авторомъ темы въ сочиненіи не доведена до окончательнаго завершения. Здѣсь читатель не находитъ характеристики языка древне-славянской основы Изборника; даже словарь составленъ на основаніи не всего текста его. Но, въ виду намѣчавшихся автору задачъ, обусловленныхъ существомъ дѣла, эта неполнота содержанія не можетъ вѣнчаться ему въ вину. Нѣкоторымъ недостаткомъ сочиненія можно бы считать только отдѣльныя, при томъ мелкія, погрѣшности въ спеціальной трактовкѣ языковаго матеріала. Такъ, въ разрядъ русскихъ примѣтъ текста Изборника у автора попадаютъ такія явленія, которыхъ нельзя признать исключительной принадлежностью древне-русскаго языка, но которыя свойственны и древнимъ славянскимъ памятникамъ; сюда относятся, наприм., употребленіе *o* вм. *a* въ греческихъ словахъ (лазорь, сотона и др., стр. 119) и такія формы, какъ *бѣахоу* (стр. 127—128), которыя въ церк.-славянскомъ языкѣ существовали параллельно съ *бѣахоу*; ср. также *нына* (стр. 129). Едва ли также можно согласиться съ мнѣніемъ автора, что слово жестовыинъ въ Изборн.—описка вм. жестоквыинъ (стр. 182); ср. *Lexicon* Миклошича, стр. 195, или что форма зѣлоби род. пад. отъ зѣлоба (стр. 185), а не отъ зѣлобъ, которое въ его же словарѣ стоитъ рядомъ съ зѣлоба. Напрасно онъ затрудняется въ своемъ словарѣ отвести самостоятельное мѣсто слову воле (*φέρε*), а ставитъ его при глаг. волити (стр. 153). Въ написаніи словъ въ лексиконѣ у автора изрѣдка попадаетъ непослѣдовательность: безобразья, но безоумне (стр. 130).

Но всѣ эти недосмотры не могутъ имѣть значенія при сужденіи о качествахъ сочиненія г. Бѣльчикова, которыя должны быть признаны весьма высокими. Ему пришлось очень много потрудиться. Одно снятіе копій съ копій обширнаго Коаленева списка должно было потребовать отъ него нѣсколько мѣсяцевъ напряженнаго труда. Кругъ его занятій, входившихъ въ разработку его темы, былъ вообще очень широкъ: ему приходилось и сравнивать рукописный греческій текстъ съ разрозненными изданіями святоотеческихъ ореній и съ славянскимъ текстомъ Изборника, и слышать

изданіе послѣдняго съ подлинникомъ, и въ то же время попутно пріобрѣтать спеціальную филологическую подготовку для разбора слав. текста, однимъ словомъ—пробивать себѣ дорогу собственными руками по всѣмъ направленіямъ. И, несмотря на всѣ эти трудности, онъ справился съ своей задачей въ общемъ весьма удачно. Въ методологическомъ отношеніи его сочиненіе возраженій не вызываетъ. Сличенія славянскаго перевода съ подлинникомъ сдѣланы съ тщательностью и пониманіемъ дѣла, такъ что степень совпаденія перваго со вторымъ и отклоненія перваго отъ втораго теперь выяснены въ деталяхъ. Словарь отражаетъ хорошее для студента знакомство съ церковно-славянскимъ и русскимъ языкомъ и вообще большую начитанность въ соответствующей научной литературѣ.

Сочиненіе свидѣтельствуетъ о способностяхъ автора къ серьезному труду въ избранной имъ области и даетъ основаніе совѣтовать ему продолжать свою работу надъ Изборникомъ 1073 г. и по окончаніи академіи.

За свое содержательное сочиненіе авторъ вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

б) И. д. доцента *священника Г. М. Смирнова:*

„Тема сочиненія г. Бѣльчикова—„Изборникъ Святослава 1073 года: его языкъ и литературная исторія“—принадлежитъ какъ и вообще аналогичныя темы для изслѣдованія по языку, къ числу наиболѣе сложныхъ; поэтому ожидать отъ его курсовой работы, составленной въ предѣлахъ ограниченнаго времени и студенческихъ знаній, полной законченности безусловно было немислимо. Въ своемъ настоящемъ видѣ она и должна быть разсматриваема, какъ выполненіе лишь опредѣленной части большаго заданія.

Изъ семи неравномѣрныхъ по объему отдѣловъ сочиненія немало полезнаго (для будущихъ занятій) матеріала собрано въ I, II, VI, VII (—вопросъ объ оригиналѣ Изборника, анализъ греческаго текста, наблюденія надъ изданіемъ Бодянскаго). На составленіе „Словаря“ (часть V-ая, стр. 132—277) авторомъ было потрачено, конечно, весьма много времени и еще больше усилій, хотя словарь далеко еще не полонъ.

Что же касается III и IV частей, удѣленныхъ палеографическому описанію знаменитаго манускрипта № 161 Моск.

Син. Б-ки и лингвистическимъ его особенностямъ, то едва ли многимъ придется воспользоваться отсюда автору въ послѣдствіи. Во 1-хъ, палеографическій очеркъ вышелъ далеко неполнымъ (такъ, напр., не дано описанія буквенныхъ начертаній списка; не разсмотрѣны графическіе приемы писца и пр.), а мѣстами и поверхностнымъ (напр., система надстрочныхъ знаковъ, при отсутствіи пользованія авторомъ точнымъ статистическимъ методомъ, по меньшей мѣрѣ фантастична; есть противорѣчія даже въ опредѣленіи размѣра листа рукописи,—ср. стр. 95 и 99), во всякомъ случаѣ не удовлетворяющимъ читателя, цѣнящаго Изборникъ 1073 года, какъ памятникъ XI вѣка, датированный и опредѣленнаго мѣста происхожденія; во 2-хъ, матеріалъ для характеристики языка данъ слишкомъ недостаточныхъ размѣровъ (о частныхъ промахахъ умалчиваемъ), а главное, въ 3-хъ, онъ расположенъ совершенно безсистемно, благодаря чему является бесполезнымъ (своихъ выводовъ у автора нѣтъ, читатель въ указанныхъ условіяхъ сдѣлать ихъ не въ состояніи), а поэтому и излишнимъ.

Принимая же во вниманіе положительные отдѣлы сочиненія г. Бѣльчикова, тщательность ихъ выполненія при надлежащихъ научныхъ приемахъ, считаю его вполне достаточнымъ для полученія степени кандидата богословія“.

8) О сочиненіи студента іеромонаха *Варнавы (Бѣляева)* на тему: „Св. Варсануфій Великій. Его жизнь и ученіе“.

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Авторъ видимо обладаетъ всѣми данными для серьезной научной работы. По-крайней мѣрѣ первая часть его сочиненія „Жизнь Св. Варсануфія“ (1—216 стр.) свидѣтельствуетъ о несомнѣнной способности автора къ научному анализу, къ способности ориентироваться въ матеріалѣ источниковъ и пособій и къ самостоятельной оцѣнкѣ данныхъ этого матеріала. И вотъ очень жалко, что при наличности этихъ благопріятныхъ данныхъ для серьезной научной работы у автора не хватило выдержки или, быть можетъ, умѣнья удержать опредѣленный планъ и строгую послѣдовательность изложенія. Авторъ пишетъ, а можетъ быть и думаетъ, какими-то скачками, порывами, увлекаясь то одной, то другой мыслью, дѣ-

лая совсѣмъ неожиданные переходы, затрудняя этимъ самую возможность слѣдить за послѣдовательностью его мыслей. Такъ у читателя, не смотря на обширность 1-й части сочиненія (1—216) и не составляется вполне опредѣленнаго представленія о личности преп. Варсануфія. До 37 стр., напр., у автора какое-то не выдѣленное отъ послѣдующаго предисловіе, довольно путанное и непонятное въ своемъ отношеніи къ личности преп. Варсануфія. Въ дальнѣйшемъ авторъ, напр., очень почему-то долго останавливается на описаніи духовнаго дарованія старца—прощать грѣхи. Собственно такой біографіи, какую мы привыкли видѣть въ обычныхъ сочиненіяхъ, у автора нѣтъ; у автора вся она представляетъ какъ бы измѣняющееся сообразно предметамъ разсмотрѣнія разсужденіе на тему: какъ великъ духовно и высокъ старецъ; это какъ бы похвала, а не житіе старца. Во 2-й части сочиненія авторъ прежде всего говоритъ „о методѣ“ (гл. I-я). Можно предполагать по началу, что авторъ будетъ говорить о методѣ своей работы по изложенію воззрѣній преп. Варсануфія, но авторъ говоритъ о методѣ вообще разработки святоотеческой литературы и очень мало о разработкѣ твореній преп. Варсануфія. Впрочемъ онъ довольно толково говоритъ въ этой части о вышней судьбѣ твореній преподобнаго и дѣлаетъ ихъ идейную характеристику (II гл.). Глава III-я сочиненія второй части излагаетъ „внутреннее дѣланіе“ по ученію преп. Варсануфія: послушаніе, плачь, Иисусова молитва, благодареніе (§§ 1—4). Характерной чертой всѣхъ страницъ (262—336) этой части труда автора служить его постоянная тенденція отвѣчать вмѣстѣ на разныя современныя теченія въ области аскетики и тѣ вопросы, которыя часто обсуждаются на страницахъ періодическихъ изданій (напр. объ ученомъ монашествѣ, о старчествѣ и пр.). Впрочемъ мысли преп. Варсануфія онъ передаетъ почти буквально и въ анализъ и принципиальное освѣщеніе ихъ не входитъ. Особенность ученія преп. Варсануфія, между прочимъ, составляетъ его ученіе „о благодареніи“, какъ одномъ изъ видовъ духовнаго дѣланія. Здѣсь и нужно было постараться выяснить психологію благодаренія, какъ нравственно-добраго аскетическаго подвига, его связь со смиреніемъ и съ разсужденіемъ; у автора этого нѣтъ. Второй отдѣлъ 2-й части сочиненія излагаетъ „внѣшнее дѣланіе“ по Варсануфію (348—372) и заканчивается описаніемъ „безмолвія и совершенства“ (IV гл.). Авторъ и здѣсь

выдерживаетъ свой пріемъ точнаго, описательнаго словами преподобнаго Варсануфія изображенія дух. состояній. Языкѣ у него вездѣ довольно ясный и литературная сторона работы чужда особенныхъ недочетовъ.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора священника П. А. Флоренскаго:

Задачею своего сочиненія о. Варнава ставитъ защиту монашества, въ его древнемъ видѣ. Эта высокая задача должна быть осуществляема, по замыслу Автора, сразу въ двухъ направленіяхъ: въ положительномъ, чрезъ раскрытіе красоты подвижническаго монашества, и въ отрицательномъ,—чрезъ изобличеніе монашества, отъ подвижничества отрекающагося. Соотвѣтственно этой двойственной защитѣ монашества, въ ткани разбираемаго сочиненія использованъ и матеріалъ двойственный: за основу взяты похвалы Преподобному Отцу, одному изъ величайшихъ выразителей монашескаго подвига, а за утокъ—вразумленія гнѣкоему Высокопреподобному отцу теоретику монашества, но уже новѣйшей школы, разсматривающей монашество, какъ орденъ. О. Варнава не называетъ этого теоретика монашества по имени, хотя и полемизируетъ съ нимъ на протяжении всей своей работы; воздержимся, поэтому, отъ раскрытія анонимаго противника о. Варнавы и мы.—Такое построеніе дѣлаетъ сочиненіе о. Варнавы читающимся съ живостію и занятностію. Но только, о. Варнава, похваливая Преподобнаго Отца за идею послушанія и порицая Высокопреподобнаго—за дѣйствительное, или мнимое, отрицаніе той же идеи, не замѣчаетъ, что самъ-то онъ отнюдь не съ первымъ, а—съ послѣднимъ: никто не назначалъ ему „за послушаніе“ хвалить или порицать кого бы-то ни было. Но его Епископъ, и притомъ постригавшій его, далъ ему изучить драгоценныя творенія преп. Варсануфія, а о. Варнава, въ азартъ борьбы, не считъ нужнымъ выполнить возможно старательнѣе то, что обязанъ былъ бы сдѣлать даже и не монахъ, и не „за послушаніе“, а просто всякій студентъ, по долгу учащагося, желающаго получить степень.

Ссылаясь на авву Дороея, говорящаго, что „ничто не приноситъ такой пользы людямъ, какъ отрѣшеніе своей воли“ (стр. 254), и указывая, что эта истина, познанная на опытѣ „опредѣляетъ характеръ и всего ученія Великаго Варсану-

фія", о. Варнава, очевидно, плохо вѣрить какъ тому, такъ и другому. А если бы повѣрилъ, то не только самъ получилъ бы пользу, но и принесъ бы ее другимъ, ибо хорошая монографія о преп. Варсонуфїи Великомъ была бы весьма полезна всякому, интересующемуся аскетическими вопросами. Но своей воли о. Варнава „не отсыкъ“, при чемъ небрежность его въ работѣ тѣмъ болѣе досадна, что и небольшое, сдѣланное имъ, есть залогъ полезнаго изслѣдованія. Для такового о. Варнава обладаетъ способностями и, главное, увлеченіемъ. Дорога направленность его вниманія къ вопросамъ работы надъ собою; цѣнно его умѣніе скомбинировать разрозненныя данныя въ цѣлую картину, какъ это сдѣлано имъ въ 1-й главѣ, изображающей жизнь иноковъ Серидовой обители; утѣшительно слышать его защиту христіанства противъ различныхъ поддѣлокъ; радостно видѣть его высокую оцѣнку основъ старческаго окормленія. Вообще, достоинствъ въ сочиненіи не мало. Жаль, однако, что достоинства его суть, именно, лишь *залог* возможной работы, а не зрѣлые плоды. Пока же, сочиненіе оставляетъ желать очень многого.

Двойственная по замыслу, работа о. Варнавы и впечатлѣніе оставляетъ двойственное. Она не имѣетъ средняго общаго тона, и едва ли можетъ быть оцѣниваема, какъ одно цѣлое, да едва ли есть одно цѣлое. Мѣстами она радуется; мѣстами же—сердитъ. Воспаривъ въ горняя, о. Варнава порою вдругъ ниспадаетъ до домашнихъ счетовъ; у читателя же остается непрятный осадокъ, словно онъ не во-время попалъ на ссору бывшихъ пріятелей. Слова строгаго выбора о. Варнава разбавляетъ рѣчью газетною; а глубокое благоговѣніе предъ Святымъ, личность и ученіе коего онъ живописуетъ, неожиданно смѣняется иногда отношеніемъ, которое трудно назвать иначе, чѣмъ неряшливымъ. Эта невыдержанность общаго тона, эта неровность и языка и изученія, можетъ быть, думается, объяснена тѣмъ, что о. Варнава, когда-то ранѣе, размышлялъ не мало о вопросахъ аскетики вообще, но далеко не достаточно внимательно и усердно занялся именно предложенной ему темой.

Въ самомъ дѣлѣ, я не могу допустить, чтобы человекъ, начитанный въ подвижнической письменности, съ ея благоуханнымъ и сочнымъ языкомъ, могъ, если только онъ „внималъ себя“, написать напримѣръ слѣдующую страницу (кур-

сивъ мой): „Взгляды его (преп. Варсануфія) на основы подвижничества такъ оригинальны и характерны, что безъ труда могутъ быть видимы почти въ каждомъ его отвѣтѣ. Дѣло изучающаго его творенія остается только [! П. Ф.] въ томъ, чтобы собрать во едино всѣ отдѣльныя выраженія относительно этихъ принциповъ духовной жизни и скомбинировать ихъ въ известномъ порядкѣ. Но такъ какъ схема этихъ принциповъ представляетъ изъ себя графику развитія духовной жизни индивидуума, то она никогда не можетъ передавать ее адекватно, какъ мы уже сказали, по причинѣ субъективности [! П. Ф.] послѣдней, но только приближаться къ ней, хотя бы, выражаясь [! П. Ф.] математическимъ языкомъ, асимптотически. Во всякомъ случаѣ этимъ опредѣляется методъ и характеръ работы: изложеніе ученія Великаго Варсануфія должно опредѣляться естественными границами основныхъ точекъ зрѣнія преподобнаго на сущность спасенія и свободнымъ расположеніемъ входящихъ мыслей при доказательствѣ послѣднихъ“ (стр. 231—232). Не касаемся смысла этого, почти наудачу взятаго, отрывка. Но неужели о преп. Варсануфіи не достоинъ говорить языкомъ болѣе выдержаннымъ, по русски, а не на эсперанто или идо,—словами избираемыми хотя бы съ осторожностію, если ужъ нѣтъ чувства благоговѣнія. Правда, въ настоящее время даже и въ церковной проповѣди иногда услышишь что-нибудь въ родѣ: „Ангелы въ раю играли роль“... Но развѣ о Варнава не понимаетъ, что вниманіе къ своей рѣчи есть одно изъ первыхъ условій самососредоточенности, а невниманіе—одинъ изъ наиболѣе наглядныхъ признаковъ нерадивости о своемъ внутреннемъ устроеніи? Между тѣмъ, его сочиненіе кишитъ реченіями въ родѣ: „sic!“ (стр. 33), „дешифрировано“ (стр. 34), „эмансипація“ (стр. 65), „Божественная санкція“ (стр. 67), „перипетіи блудной страсти и методическіе приемы въ борьбѣ съ нею“ (стр. 68), „a posteriori“ и „a priori“ (стр. 68 и др.), „адекватная замѣна одного духовнаго отца другимъ“ (стр. 73), „резюмируя“ (стр. 75), „modus vivendi“ (стр. 83), „способъ ихъ записи носилъ необычайный характеръ, санкціонуемый Самимъ Духомъ Святымъ“ (стр. 89), „индивидуальнаго субъективизма“ и „положительной объективности“ (стр. 89), „при ослабленномъ режимѣ“ (стр. 92), мысли Іоанна Лѣвтичника „математически сказать, конгруэнтны съ разсужденіями“

Варсануфія Великаго (стр. 136); „въ лапидарной формѣ“, „благодаря своей сильной эллиптической формѣ“, „энигматическая форма выраженія“ (стр. 180)—и это все о преп. Варсануфіи. „Обыкновенно принято въ мало-мальски порядочныхъ сочиненіяхъ прежде всякаго изложенія говорить о *методѣ*. И это, конечно, имѣетъ свой *raison d'être*, если только не содержитъ въ своей основѣ не совсѣмъ опрятнаго чувства или намѣренія—не отстать отъ прочихъ, и прибавить лишній лоскутокъ мишуры къ своему «поваленному» quasi научному сочиненію“ (стр. 217). Или, вотъ еще реченія, и все въ томъ же родѣ: „ориентируется“, „методическая разработка“ (стр. 217), „посредствомъ элиминаціи“ (стр. 219); у святыхъ отцовъ нельзя отрицать „логичности мыслей, sui generis систематичности“ (стр. 219), „душа динамична, ея принципъ *l'âme s'élève*“, „рубрицировать“ (стр. 220), „*vis vitalis*“ (стр. 221), „схоластичными“ (стр. 221), „схематизація“ (стр. 221).

Перейдемъ теперь къ содержанію разбираемаго труда. Въ Отчникѣ „мы видимъ фрагментарный компендіумъ подвижническаго опыта“ (стр. 222)—говоритъ о Варнава. Но и другія „святоотеческія творенія, имѣющія отдѣльныя главы подѣ опредѣленнымъ названіемъ, не грѣшащія со стороны логической структуры своего построенія [! П. Ф.], съ синтетическо-литературной стороны совершенно произвольны. Да иначе и быть не можетъ. „Творенія святыхъ отцевъ индивидуальны, писались часто *ad hoc et hominem*... Въ произведеніяхъ святоотеческой мысли нѣтъ той скомпанованности, когда при выдергиваніи отдѣльнаго звена рассыпается въ разныя стороны вся цѣль логическихъ умозаключеній. Наоборотъ, у нихъ можно [? П. Ф.] выхватывать отдѣльныя положенія, и самостоятельность ихъ не нарушается [? П. Ф.], не даромъ сложилась дурная поговорка: «на основаніи святыхъ отцовъ можно доказать все» (*pro et contra*). Но въ чемъ же тутъ дѣло? Здѣсь, *punctum prugiens* всѣхъ разсужденій. Святые отцы писали не затѣмъ, чтобы получить похвалу отъ людей или достигнуть какого-либо ученаго званія (потому что въ міру нѣкоторые изъ нихъ уже имѣли его), не затѣмъ, еще менѣе, чтобы заработать деньги, но имѣли высшую цѣль подражать Богу“... (стр. 223—225). При всей хлесткости подобныхъ разсужденій, они едва ли могутъ быть названы удобопонятными. Тамъ же, гдѣ мысль Автора все же пробивается сквозь толщу за-

валивающих ее интеллигентских словъ, она на каждом шагу возбуждаетъ противъ себя. Изъ того, что лѣнивый умъ, невнимательнаго читателя не вникаетъ въ связность и музыкальное построение святоотеческихъ твореній, о. Варнава поспѣшаетъ вывести, что въ нихъ нѣтъ плана и внутренняго единства, и даже разрѣшаетъ „выхватывать отдѣльныя положенія“ потому, что такъ, де, поступаютъ какіе-то недобросовѣстные спорщики, берущіеся доказывать „pro et contra“. Что сказалъ бы о. Варнава на разсужденія такого рода: „Церковныя деньги не имѣютъ собственника, ибо можно положить въ церковную кружку, а можно украсть оттуда?“ И неужели „подраженіе Богу“ святыхъ отцовъ заключается въ мнимой нестройности ихъ твореній, тогда какъ писать связно—это значить, непременно, искать похвалъ, ученой степени или денегъ? Но самъ-то о. Варнава, хотя, можетъ быть, похвалъ и не ищетъ, однако степень получить предполагаетъ, и слѣдовательно къ нему требованіе связности, во всякомъ случаѣ, примѣнимо. Къ сожалѣнію, онъ слишкомъ часто разрѣшаетъ себѣ недостатокъ, напрасно приписываемый имъ святымъ отцамъ, и притомъ съ такою свободою, какъ если бы ему заранѣе было извѣстно о принадлежности его самого къ ихъ сонму.

Во всякомъ случаѣ, представляется отнюдь не благоговѣйнымъ поспѣшное отнесеніе собственной невдумчивости на счетъ святыхъ отцовъ. „Сочиненія Варсануфія Великаго“, по мнѣнію о. Варнавы, „представляютъ не сводку хотя бы съ внѣшне формальной стороны извѣстныхъ положеній, основанныхъ на заранѣе выработанныхъ эмпирическихъ данныхъ, но фрагментарный кодексъ мыслей, хотя вполне законченныхъ, и взглядовъ на различные предметы. Его сочиненія, вѣдь, это отвѣты ученикамъ на самыя жгучіе для нихъ вопросы, часто вопросы жизни или смерти, и какъ таковые, разумѣется, заключаютъ въ себѣ самый крайній субъективизмъ и индивидуализмъ [! П. Ф.]. Если отдѣльные этюды святоотеческаго творчества пестрятъ такими выраженіями: «бываетъ такъ»; «иногда»; «мнѣ помнится»,--- то что сказать о такомъ родѣ письменности, какъ дневники, письма или какъ отвѣты на вопрошенія В. Варсануфія“ (стр. 226—72). „Что такое книга Великаго Варсануфія по своему существу?“ спрашиваетъ о. Варнава въ другомъ мѣстѣ (стр. 255) и от-

вѣчаетъ на этотъ вопросъ словами изъ книжки „Старцы о. Паисій Величковскій и о. Макарій Оптинскій“. М., 1909, стр. 46—47: „Не что иное, какъ дневникъ старческой, дневная запись старческаго окормленія.—Отсюда отсутствие стройности и порядка, но за то масса мелочей и подробностей“. Свою мысль о бессистемности книги пр. Варсануфія о. Варнава распространяетъ и на всѣ подвижническія писанія, дѣлая бессистемность чуть ли не обязательной. „Св. отецъ никогда,—говоритъ о. Варнава,— не задавался цѣлью съ начала до конца провести извѣстную идею въ своемъ сочиненіи, какъ это требуется теперь у насъ. Онъ просто настаивалъ на мысли по поводу какой-либо добродѣтели или порока, и только.— Лучшими выраженіями доказываемаго положенія являются такія произведенія святоотеческой мысли, какъ Отечникъ, Лѣствица Іоанна и друг. Въ первомъ случаѣ мы видимъ фрагментарный компендіумъ подвижческаго опыта для руководства всѣхъ ревнующихъ о своемъ спасеніи, составленный постороннимъ лицомъ, во второмъ,—то же самое, но скомбинированный подъ отдѣльными главами самимъ творцомъ ихъ. Но здѣсь нѣтъ того, чтобы они были написаны подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, по опредѣленному методу— Развѣ у Іоанна Лѣстничника есть внутренняя, органическая связь между отдѣльными частями, хотя бы въ словѣ о чревоугодіи (14-омъ)? Да и самую его Лѣствицу-то нѣкоторыя (кажется Тарновскій въ „Вѣхахъ“) предлагаютъ перевернуть обратнымъ концомъ. Правда, послѣднее было бы слишкомъ, но касательно отдѣльныхъ звеньевъ и ступеней ея, безъ сомнѣнія, необходимо сказать, что порядокъ ихъ формальный, а не органическій“ (стр. 221—222). „Но и другія святоотеческія творенія, имѣющія отдѣльныя главы подъ опредѣленнымъ названіемъ, не грѣшащія со стороны логической структуры своего построенія [! П. Ф.], съ синтетическо-литературной стороны совершенно произвольны“ (стр. 223). Подобныя же мысли о. Варнава, на разные лады, повторяетъ еще не разъ па протяженіи своей работы. Но отъ повторенія онѣ не становятся болѣе убѣдительны. Прежде всего, и отрицаемая имъ система вовсе не въ такой степени чужда подвижническимъ твореніямъ, въ какой слѣдуетъ это изъ словъ о. Варнавы, по лишь терпѣливому и внимательному взглядыванію планъ этихъ твореній предстаетъ съ отчетливостью. О. Вар-

нава говорить о планѣ слишкомъ элементарномъ и прямолинейномъ; но такового вѣдь, вообще не бываетъ ни въ одномъ богатомъ мыслями произведеніи. Что жъ до „Лѣствицы“, въ частности, то и ея планъ указывался, напримѣръ, Архіепископомъ Антоніемъ Коржавиномъ (?) („Богосл. Вѣстн.“, 1916 г., Январь, стр. 77—79). Удачна ли предлагаемая имъ попытка, или нѣтъ,—это другой вопросъ; но она во всякомъ случаѣ показываетъ, что не справедливо такъ поспѣшно обвинять преподобнаго Лѣствичника въ безпорядкѣ изложенія.

Но если бы и впрямь нельзя было бы рассказать плана „Лѣствицы“ и другихъ тому подобныхъ твореній, то это еще однако не доказывало бы отсутствія въ нихъ вѣтренняго единства. „Безъ сомнѣнія, необходимо сказать, что порядокъ ихъ формальный, а не органическій“ (стр. 222)—утверждаетъ о. Варнава, подчеркивая напечатанныя здѣсь въ разрядку слова. Но согласиться съ этимъ утвержденіемъ никакъ нельзя, несмотря на ихъ рѣшительность. Еще, можетъ быть, не было бы столь ложнымъ отрицаніе *формальнаго* порядка подвижническихъ писаній, хотя и это отрицаніе весьма рискованно. Отрицаніе же *органическаго* порядка, если только о. Варнава пишетъ то, что хочетъ написать, граничитъ съ непониманіемъ святоотеческихъ твореній въ частности и творчества вообще. Единство произведенія, т. е. порядокъ и связь его, можетъ быть не осознано самимъ авторомъ, можетъ быть трудно приводимо къ простой схемѣ и читателемъ, но оно по необходимости есть, ибо въ немъ выражается цѣлестремительная дѣятельность творческаго духа. Поскольку въ произведеніи есть жизнь, постольку же есть и органическая связность его частей, хотя эта связность, даже въ произведеніяхъ преслѣдующихъ логическую строгость доказательствъ, бываетъ скорѣе музыкальной, чѣмъ схематической. Въ произведеніяхъ же святыхъ подвижниковъ, жизнь которыхъ въ особенности была невозмущаема случайпостыями и была жизнью по преимуществу, и этой, вѣтренней, цѣльности некакъ должно наиболѣе увѣренно. Повторенія, отступленія, можетъ быть даже противорѣчія—это душа музыкальнаго единства, а не препятствіе къ признанію его. Но, чтобы обнаружить это единство, о. Варнава надо было бы произвести тематическій разборъ изучаемаго творенія и показать, далѣе, какъ и почему именно такъ, сплетаются между собою основныя

темы.—О. Варнава слишком разсудочною представляет себѣ внутреннюю жизнь, и потому думаетъ, что если нѣтъ въ сознаніи твердо поставленной цѣли и если не выработана заранѣе разсудочный планъ, то не можетъ быть и творчески, въ самой дѣятельности, проявляемой цѣлесообразности и связности отдѣльными дѣйствіями. Книга преп. Варсануфія, говоритъ онъ, „представляетъ изъ себя не отвлеченныя разсужденія по поводу или на какую-нибудь тему, но исповѣдь живыхъ людей, извѣстныхъ историческихъ лицъ“ (стр. 258). Но развѣ исповѣдь живыхъ людей, хотя бы и не обдуманная непремѣнно заранѣе, должна быть безсвязной и нецѣльной? Неужели она—только игра ассоціацій? Неужели мертвымъ людямъ свойственнѣе быть цѣльными?—Даже въ разговорѣ двухъ или большаго числа лицъ, не смотря на взаимную независимость участвующихъ въ немъ, отдѣльныя части его имѣютъ глубокую связь между собою, и она могла бы быть указана и проявлена какимъ-нибудь постороннимъ слушателемъ. Но тѣмъ болѣе относится это къ исповѣди и къ старческимъ отвѣтамъ на нее, гдѣ устранены толчки самолюбія и раздраженія и гдѣ, въ невозмущаемомъ покоѣ, выкристаллизовывается опытъ духовной жизни. Найти это единство, эту цѣлесообразность въ построеніи книги—это и значить понять ее; а до тѣхъ поръ, пока изъ книги выхватываются случайныя изреченія или отдѣльныя страницы и не усмотрѣна связь ихъ съ цѣлымъ,—книга должна считаться все еще недостаточно усвоенной и не понятой.

О. Варнава настойчиво, даже черезчуръ настойчиво, твердитъ, что у преп. Варсануфія нѣтъ системы. Пусть такъ. Но по отношенію къ великому человѣку, а тѣмъ болѣе—къ святому, сказать: „Нѣтъ системы“ это значить: „Есть личность“, ибо если бы не было ни личности, ни системы, то незачѣмъ было бы и изучать преп. Варсануфія. А если такъ, то вниманіе наше обращается къ личности; *все*, касающееся ея, приобрѣтаетъ значительность и великій смыслъ. Между тѣмъ, о. Варнава говоритъ лишь о томъ, что даже поверхностный читатель видитъ въ книгѣ Іоанна и Варсануфія, и не прилагаетъ стараній къ уясненію того, надъ чѣмъ надо поработать. Это ли благоговѣніе къ св. Старцу?

Прежде всего, говоря о личности, мы желаемъ знать ея имя. Но „имя Варсануфія“ еще не дешифровано“ (стр. 34)—

заявляетъ о. Варнава, ссылаясь на „Мѣсяцесловъ“ Архіеп. Сергія. Странная ссылка! По признанію о. Варнавы же, преп. Варсануфій былъ родомъ египтянинъ и, слѣдовательно, имя его, вѣроятно же всего, должно быть предположено тоже египетскимъ. Между тѣмъ, Высокопреосвященный Сергій вообще не объясняетъ большинства египетскихъ именъ, оставляя безъ объясненія также и имя „Варсануфій“, но вовсе не беретъ на себя рискованнаго заявленія, будто имя это „не дешифровано“. Это заявленіе было бы странно въ его устахъ, разъ самъ онъ предупреждаетъ въ началѣ I-го указателя (Т. II, ч. III, стр. 109, по изданію 1876 года) къ своему „Мѣсяцеслову“, что „объясненія именъ сдѣланы на основаніи лексиконовъ Папе, греко-русскаго Александра, греко-русскаго Коссовича и еврейскаго Драха и другихъ“. При элементарности этихъ справочниковъ, трудно предположить, чтобы въ числѣ „и другихъ“ были словари египетскіе, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о 1876 годѣ, т. е. писался указатель именъ до тѣхъ важныхъ работъ по египтологіи, которыя сдѣланы въ концѣ XIX вѣка. Но если и впрямь имя „Варсануфій“ „еще не дешифровано“, т. е. если чрезъ 40 лѣтъ продолжаетъ оставаться правильнымъ сужденіе, яко бы высказанное въ 1876 г., то почему бы о. Варнавѣ не приложить стараній къ дешифрированію имени, заинтересоваться которымъ входило въ кругъ его обязанностей? Не изъ чего не видно, чтобы оно все таки, не смотря на настойчивость, не подалось его усиліямъ. А разобрать имя „Варсануфій“ было бы важно, хотя бы для того, чтобы имѣть доводъ египетскому происхожденію Преподобнаго и, можетъ быть, въ связи съ этимъ понять духъ его монашескаго подвига. Итакъ, въ самомъ ли дѣлѣ этимологическій разборъ имени „Варсануфій“, или его варианта „Варсанофій“,—варианта, справедливо признаваемого о. Варнавою за менѣе достовѣрный—, такъ затруднителенъ?—Не думаемъ.—Это имя напоминаетъ сирийскія и халдейскія имена, сложенныя съ $\bar{\tau}$ *баръ* или *варъ*—сыпь; таково, на примѣръ собственное имя автора разбираемаго сочиненія—*Варнава*; сюда же относятся имена: *Варадаты*, *Варлаамъ*, *Варсавы*, *Варооломей* и т. д. Весьма естественно думать, что пезнавшіе египетскаго языка иноки Серидовой обители, расположенной возлѣ города Газы, а равно и приходившіе туда богомольцы и почитатели святого Старца, принимали имя